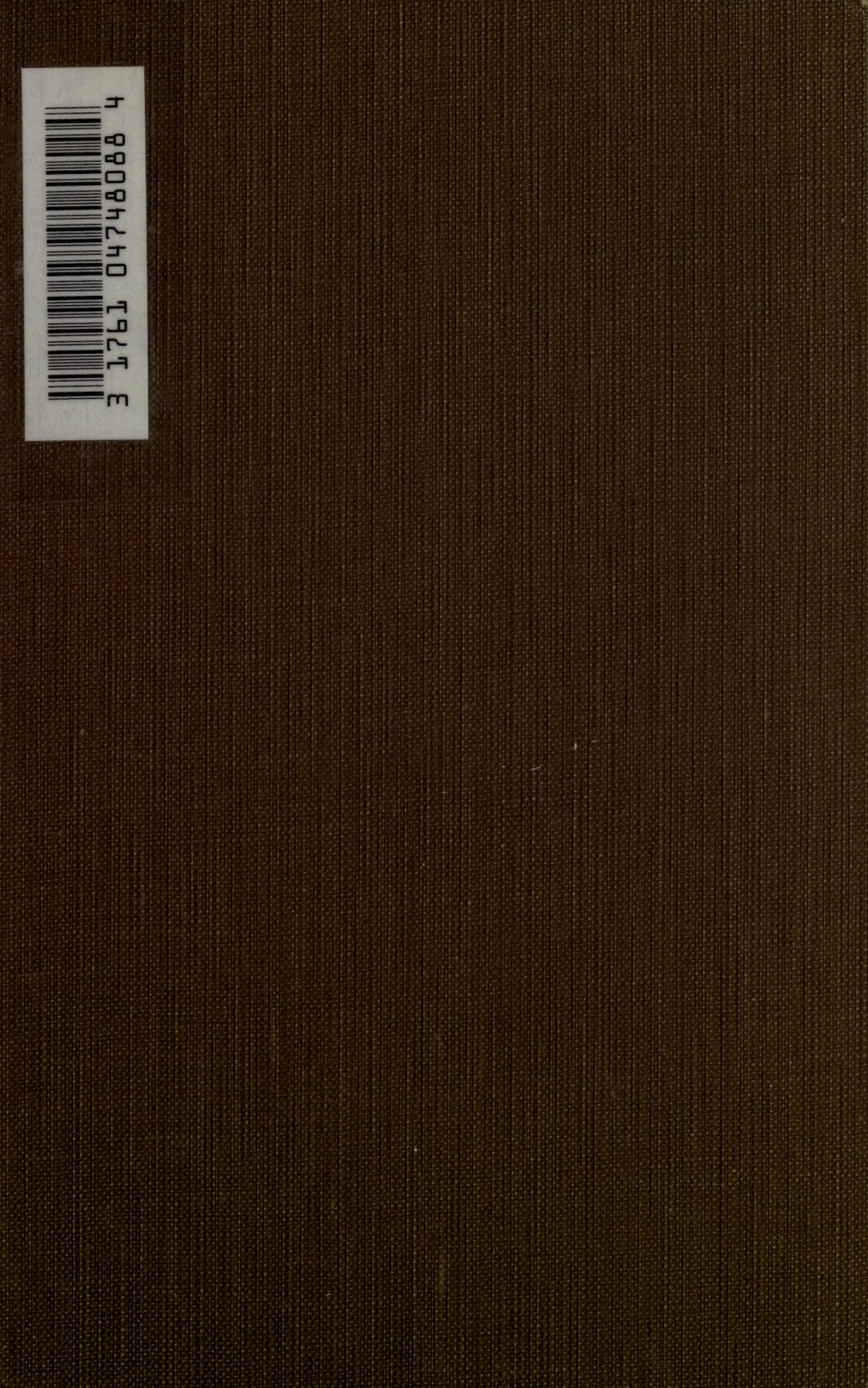

3 1761 04748088 4

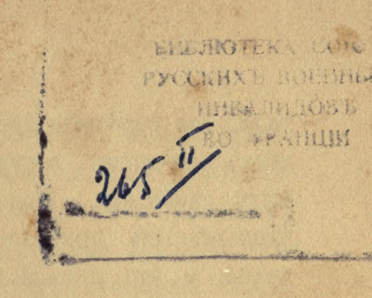
РОССІЯ

НАКАНУНѢ ДВАДЦАТАГО СТОЛѢТІЯ.

 * * *

БЕРЛИНЪ.
Изданіе Гуго Штейницъ.
1900.

LIBRARY
NOV 1 1961
UNIVERSITY OF TORONTO

Девятнадцатый вѣкъ былъ поворотною точкой въ русской исторіи. Въ теченіи столѣтій государство слагалось и устроивалось подъ руководствомъ самодержавной власти русскихъ царей. Общество только слѣдовало за нею, подчиняясь ея велѣніямъ и мало проявляя самостоятельныхъ силъ. Самыя либеральныя стремленія исходили сверху, плохо укореняясь въ общественныхъ нравахъ. Поклонница просвѣтительной философіи XVIII-го вѣка, Екатерина Вторая, въ своемъ знаменитомъ наказѣ высказала гуманныя идеи, господствовавшія въ умахъ того времени; но какъ глубоко практическая женщина, она скоро увидѣла всю трудность примѣненія ихъ къ Россіи. Соприкосновеніе съ собранными въ Петербургѣ выборными отъ всѣхъ сословій убѣдило ее, что касаться крѣпостнаго права, на которомъ строился весь нашъ общественный бытъ, было бы опасно, и вмѣсто того чтобы проводить въ этой области провозглашенныя ею либеральныя на-

чала, она укрѣпила крестьянъ даже въ тѣхъ частяхъ русскаго государства, гдѣ они дотолѣ были свободны. Малороссія, въ замѣнъ утраченныхъ ею привилегій, получила крѣпостное право, и это привязало высшее ея сословіе къ Россіи. Въ отвѣтъ на убѣжденія Дидро, Екатерина говорила, что хорошо ему писать проекты на бумагѣ, которая все терпитъ, а ей приходится оперировать надъ человѣческимъ тѣломъ, которое гораздо чувствительнѣе. Либеральныя начала, внесенныя ею въ мѣстное управленіе, повели единственно къ тому, что положеніе дворянства укрѣпилось, и оно почувствовало свою независимость.

Еще безплоднѣе въ практическомъ отношеніи оказались либеральныя стремленія ея внука. Воспитанникъ Лагарпа, онъ былъ насквозь проникнутъ идеями XVIII-го вѣка. Онъ мечталъ о томъ, чтобы сдѣлаться благодѣтелемъ своего народа дарованіемъ ему свободы и политическихъ правъ. Въ присоединенныхъ къ Русской Имперіи Финляндіи и Царствѣ Польскомъ онъ водворилъ конституціонныя учрежденія. Но примѣнять ихъ къ Россіи, на почвѣ крѣпостнаго права, было невозможно, а коснуться этого начала значило возбудить противъ себя все высшее сословіе,

которое видѣло въ немъ оплотъ всего своего благосостоянія. Указъ о свободныхъ хлѣбопашцахъ, предоставлявшій освобожденіе крестьянъ доброй волѣ помѣщиковъ, остался мертвою буквой. Противорѣчіе между благородными стремленіями юнаго монарха и состояніемъ подвластной ему страны было полное, и этимъ въ значительной степени объясняются тѣ колебанія, которымъ подвергалась измученная его душа. Наконецъ, практика взяла свое: усталый самодержецъ, извѣрившись въ возвышенныя убѣжденія своей молодости, не находя ни единаго пособника, на котораго бы онъ могъ опираться, погрузился въ мистицизмъ и отдалъ себя въ руки постоянно преданнаго ему Аракчеева. Конецъ царствованія былъ полнымъ отрицаніемъ его начала.

Однако брошенныя имъ сѣмена не погибли. Въ русской молодежи того времени они нашли воспріимчивую почву. Пребываніе русскихъ войскъ за границею въ Наполеоновскія войны еще болѣе усилило это направленіе. Русскіе офицеры увидѣли въ очію порядокъ вещей, въ которомъ свобода и право получали должное огражденіе, и съ горькимъ чувствомъ сравнивали съ этимъ то, что они находили у себя по возвращеніи изъ

заграничныхъ походовъ. Въ нихъ зародилось неудержимое стремленіе водворить тѣже начала въ своемъ отечествѣ. Отсюда заговоръ Декабристовъ. Александръ про него зналъ, но онъ гладѣлъ на это сквозь пальцы. „C'est moi qui ai mis ces idées en vogue, ce n'est pas à moi à sévir,“ отвѣтилъ онъ на представленія своихъ приближенныхъ.

На Декабристовъ многіе смотрятъ, какъ на людей, увлекавшихся иностранными взглядами и мечтавшихъ объ установленіи въ Россіи порядка вещей, противнаго основнымъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ русскаго народа. Но забываютъ, что военные перевороты были не новостью въ русской исторіи. Еще недавно, въ XVIII вѣкѣ, военнымъ заговоромъ былъ низложенъ Иванъ Антоновичъ и возведена на престолъ Елисавета. Еще позднѣе, тѣмъ же путемъ, былъ низвергнутъ Петръ III и воцарилась Екатерина, и этотъ переворотъ далъ Россіи одно изъ самыхъ славныхъ царствованій въ ея исторіи. Ново было не то, что подданные возмущались противъ верховной власти и мѣняли правленіе, а то, что это совершалось не во имя иностранки, не имѣвшей ни малѣйшаго права на престолъ, а во имя свободы и права. Заговорщики хотѣли водворить

въ своемъ отечествѣ порядокъ достойный образованнаго народа, положитъ конецъ всюду царствовавшему произволу, утвердить въ странѣ законность и уваженіе къ человѣку. Благороднѣйшіе умы того времени примкнули къ этому движенію. Но именно эти возвышенныя идеи были еще не по плечу русскому обществу, которое все держалось на крѣпостномъ правѣ. Декабристы составляли въ немъ ничтожное меньшинство. Это былъ цвѣтъ русской молодежи, но цвѣтъ, оторванный отъ почвы, а потому обреченный на погибель. Возмущеніе было безъ труда подавлено; наступила суровая реакція.

Тѣ, которые жили во время Николая I-го, хорошо помнятъ тотъ тяжелый гнетъ, который въ ту пору лежалъ на русской землѣ. Реакція была и въ послѣдніе годы Екатерины и во вторую половину царствованія Александра; но при Николаѣ, въ теченіи тридцати лѣтъ, она была проведена съ желѣзною послѣдовательностью. Всякое свободное выраженіе мысли подавлялось безпощадно. Цензура достигла до невѣроятныхъ размѣровъ и обратилась даже въ посмѣшище. Несчастныхъ цензоровъ сажали на гауптвахту за пропускъ самыхъ невинныхъ статей, за непочтительныя выраженія о лицахъ того или

другаго вѣдомства. Неосторожное слово, запрещенная книга могли повлечь за собою ссылку въ отдаленныя губерніи. Записки Герцена и дневникъ крайне умѣреннаго Никитенки могутъ дать понятіе объ этомъ порядкѣ вещей, въ которомъ задыхались русскіе люди. Въ первый разъ русское правительство, дотолѣ стоявшее во главѣ просвѣщенія, выступало явнымъ его врагомъ. Послѣ 48-го года реакція достигла высшей своей степени. Революціонныя движенія въ западной Европѣ вызвали самыя суровыя мѣры противъ ни въ чемъ неповинныхъ русскихъ университетовъ. Цензура, которая, казалось, дошла уже до крайнихъ предѣловъ, сдѣлалась еще строже. Писать что либо для независимаго человѣка стало невозможнымъ. Даже чисто историческія изслѣдованія, безъ всякой тѣни политическаго намека, подвергались запрету.

А между тѣмъ, этотъ всеохватывающій деспотизмъ не только не искоренилъ въ русскомъ обществѣ либеральныхъ стремленій, а напротивъ, развилъ ихъ въ еще большей мѣрѣ. Верхніе слои, окружающіе престолъ, дѣйствительно погрузились въ полное невѣжество. Они стремились къ образованію, пока оно требовалось сверху; но какъ скоро оно сдѣлалось предметомъ подо-

зрѣнія и просвѣщенный образъ мыслей сталъ поводомъ къ опалѣ, такъ ему начали оказывать глубокое презрѣніе. Прежняя образованная гвардейская молодежь уступила мѣсто пустоголовымъ любителямъ свѣтскихъ удовольствій и кутежей. Въ государственные люди возводились круглые невѣжды; требовалось только безпрекословное исполненіе воли царя. Все это однако ограничивалось поверхностью; въ среднихъ слояхъ русскаго общества стремленіе къ просвѣщенію не изсякло, но оно естественно принимало болѣе и болѣе враждебное правительству направленіе. Всякое проскользнувшее слово, всякій оппозиціонный намекъ схватывались на лету и переходили изъ устъ въ уста. Подъ видомъ литературной критики распространялись идеи, которыя, при нестерпимомъ давленіи сверху, принимали все болѣе радикальный оттѣнокъ. Въ сердцахъ, особенно болѣе пылкой молодежи, накоплялись сѣмена непримиримой ненависти къ существующему порядку вещей. Но и зрѣлые люди, умѣвшіе думать и не увлеченные личными интересами, видѣли всю его несостоятельность.

Въ Крымскую кампанію это убѣжденіе сдѣлалось всеобщимъ. Пораженіе русскихъ войскъ въ самыхъ нѣдрахъ отечества открыло глаза

наиболѣе ослѣпленнымъ. Для всѣхъ стало яснымъ, что всеподавляющій деспотизмъ, уничтожая жилыя силы народа, подрываетъ собственные свои корни. Величественное снаружи зданіе представляло внутри мерзость запустѣнія. „Сверху блескъ, снизу гниль,“ по выраженію записки Валуева, представленной въ то время В. Князю Константину Николаевичу и ходившей по рукамъ. Въ яркихъ чертахъ изобразилъ тогдашнее состояніе Россіи одушевленный патріотическими стремленіями Хомяковъ:

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна.

Пораженное въ самыхъ завѣтныхъ своихъ чувствахъ, въ сознаніи своей мощи, русское общество съ неудержимою силой стремилось выдти изъ того невыносимаго положенія, въ которое поставилъ его безпощадный и слѣпой деспотизмъ Николая І-го. „Свободы! свободы!“ слышалось отовсюду. Жившіе въ то время помнятъ то сладкое чувство облегченія, которое охватило русское общество, когда, послѣ тридцатилѣтняго гнета, вдругъ, съ высоты престола, послышались

кроткія и милостивыя слова. „Простить, отпустить, разрѣшить!“ говорилъ одинъ изъ видныхъ русскихъ литераторовъ на одномъ изъ многочисленныхъ тогдашнихъ публичныхъ обѣдахъ; „сколько заключается въ этихъ немногихъ словахъ!“ Полные надежды, всѣ взоры устремились къ новому монарху. Никто въ то время не мечталъ о конституціи, но всѣ ожидали реформъ. Въ *Голосахъ изъ Россіи,* напечатанныхъ въ Лондонѣ, эти стремленія нашли себѣ выраженіе.

Живучесть народа познается особенно во времена бѣдствій. Когда послѣ пораженія народъ воспрянетъ съ обновленною силой, примется за излѣченіе своихъ внутреннихъ язвъ и поднимется на новую высоту, то это служитъ залогомъ великой будущности. Такъ поднялась Пруссія послѣ Іенскаго погрома; такъ обновилась и Россія послѣ Крымской кампаніи. Это составляетъ одну изъ величайшихъ страницъ въ ея исторіи. Но, въ отличіе отъ Пруссіи, обновленіе Россіи не было дѣломъ великаго государственнаго человѣка, который смѣлою рукою взялся за кормило правленія и двинулъ народъ на новый путь. Въ Россіи всѣ совершенныя преобразованія созрѣли уже въ общественномъ сознаніи; программы ихъ были намѣчены въ хо-

дившей по рукамъ рукописной литературѣ; по важнѣйшимъ вопросамъ выработаны были цѣлые проекты частными людьми. Не на вершинахъ правящей бюрократіи, а среди второстепенныхъ дѣятелей, стоявшихъ въ близкой связи съ литературными и общественными кругами, нашлись руководители этого движенія; на помощь призваны были самые выдающіеся люди изъ общества, которыхъ вліяніе имѣло рѣшающее значеніе. И на мѣстахъ нашлись ревностные исполнители великаго дѣла; если они составляли меньшинство, то все же это было меньшинство значительное и просвѣщенное. Оказалось, что русское общество стояло неизмѣримо выше Николаевскаго правительства. Не смотря на суровый гнетъ, который надъ нимъ тяготѣлъ, оно сохранило въ себѣ и живую мысль и самоотверженныя силы. Его, какъ младенца, держали въ пеленкахъ въ то время какъ оно, созрѣвши, готово было зажить новою жизнью. Для счастья Россіи нашелся Государь, который, не подъ гнетомъ неотразимой нужды, какъ Фридрихъ Вильгельмъ III, а послѣ честнаго мира, по собственной инициативѣ, принялся за великую задачу, собралъ вокругъ себя лучшихъ людей и исполнилъ все то, что было предначертано общественною мыслью.

Одно за другимъ совершались великія преобразованія, которыя дали новое устроеніе русской землѣ. Прежде всего, надобно было отмѣнить крѣпостное право. Это былъ вопросъ, давно назрѣвшій и требовавшій разрѣшенія. Крѣпостное право было установлено въ то время, когда всѣ сословія были прикрѣплены къ государственной службѣ. Для того чтобы помѣщики могли нести свою повинность, надобно было дать имъ власть надъ крестьянами. На этомъ порядкѣ создалось и выросло русское государство. Но времена измѣнились; государство окрѣпло и не нуждалось уже въ обязательной службѣ. Помѣщики были отъ нея освобождены, а крестьяне все еще оставались крѣпостными. Это была вопіющая несправедливость, которой требовалось положить конецъ. Это сознавалъ не только либеральный Алесандръ I, но и суровый Николай. Однако могучій деспотъ, передъ которымъ все трепетало, не дерзалъ коснуться этой основы всего русскаго политическаго быта. Самыя легкія ограниченія помѣщичьей власти казались опасными для общественнаго спокойствія. Только въ западныхъ губерніяхъ, гдѣ съ польскими помѣщиками нечего было церемониться, введены были инвентари. Мягкій его преемникъ, менѣе до-

рожившій властью, счелъ священнымъ долгомъ исполнить справедливое дѣло, и его рѣшеніе возымѣло полный успѣхъ. Въ то время какъ въ Соединенныхъ Штатахъ отмѣна невольничества сопровождалась страшными междоусобіями и была куплена потоками крови, въ Россіи она совершилась силою зрѣло обдуманнаго и разумно исполненнаго законодательнаго акта, которымъ примирялись обоюдные интересы сословій и полагалось прочное начало новому порядку вещей, основанному на гражданской свободѣ. Въ высшей степени трудное дѣло, разрѣшеніе вѣковой связи, обнимавшей всѣ стороны жизни, какъ властвующихъ, такъ и подвластныхъ, и налагавшей свою печать на всѣ общественныя отношенія, совершилось мирно и правильно, дружнымъ дѣйствіемъ правительства и лучшихъ общественныхъ силъ. Положеніе 19-го Февраля есть величайшій законодательный памятникъ русской исторіи. Оно дѣлаетъ честь тому народу, среди котораго оно создалось. И это не было простое подражаніе иностраннымъ образцамъ, усвоеніе того, что было выработано другими. Оно вытекло изъ самой русской жизни, почему и приложеніе его не встрѣтило препятствій. Страна, совершившая у себя такое преобразованіе, заслуживаетъ ува-

женія, какъ современниковъ, такъ и потомства. И имя царя, который его исполнилъ, останется благословеннымъ во вѣки.

Но это было только начало. Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ преобразованій, которыми созидался новый общественный порядокъ на почвѣ гражданской свободы. Крѣпостная Россія не имѣла суда, явный признакъ полнаго безправія населенія. Вмѣсто правосудія, господствовало крючкотворство; взяточничество было повсемѣстною, изстари вкоренившеюся язвой русской общественной жизни. И вдругъ, какъ бы по мановенію волшебнаго жезла, явился судъ со всѣми гарантіями, выработанными законодательствами образованныхъ народовъ Европы, съ безсмѣнностью судей, съ публичностью, гласностью, съ судомъ присяжныхъ. И эти формы просвѣщеннаго быта немедленно наполнились живымъ содержаніемъ, знакъ, что общество до нихъ доросло, и что напрасно оно такъ долго было лишено ихъ благодѣяній. И зрѣлые люди и юношество высшихъ учебныхъ заведеній устремились на новое поприще, одушевленные однимъ желаніемъ правосудія и пользы отечества. Первые наши суды представляли въ высшей степени отрадное явленіе. Сердце русскаго человѣка могло

ими гордиться. Съ другой стороны, въ административной области, общественной дѣятельности открытъ былъ широкій просторъ. Новыя земскія учрежденія поставлены были въ независимое положеніе и наполнялись лучшими мѣстными силами, цвѣтомъ провинціальнаго общества. Широкія двери открылись и для литературной дѣятельности. Предварительная цензура была отмѣнена; книги стали выходить безпрепятственно; въ журналахъ обсуждались всѣ общественные вопросы съ такою свободой, о которой нельзя было и помыслить въ прежнее время. Наконецъ, однимъ изъ величайшихъ дѣяній Александра II было преобразованіе войска. Прежняя двадцатипятилѣтняя служба, отрывавшая солдата отъ семьи и занятій, была замѣнена шестилѣтнею. Прекратились столь обычные вопли женъ и матерей при проводахъ рекрутовъ. Въ самомъ войскѣ водворился новый духъ; изъ машины солдатъ превратился въ человѣка. Суровыя наказанія были отмѣнены; стали требовать образованія, какъ для рядовыхъ, такъ и отъ офицеровъ. И все это, не смотря на сѣтованія рутинныхъ служакъ, совершилось безъ послабленія дисциплины. Турецкая война доказала, что преобразованное русское войско сохранило всѣ свои прежнія доблести.

Такимъ образомъ, Россія вся преобразилась и готова была зажить новою жизнью. Отъ прежняго какъ будто не осталось и слѣда. Даже въ матеріальномъ отношеніи страна получила новый видъ. Она покрылась сѣтью желѣзныхъ дорогъ; промышленность получила небывалый подъемъ. Это былъ величайшій переломъ въ русской исторіи. Крѣпостное дотолѣ общество какимъ-то чудомъ становилось свободнымъ и разомъ пріобрѣтало всѣ условія образованнаго быта. Тѣ, которые пережили это время, не могутъ вспомнить о немъ безъ сердечнаго умиленія.

Эта свѣтлая картина имѣла однако и свои темныя стороны. Тридцатилѣтній гнетъ, подавляющій всякую мысль, не проходитъ даромъ. Онъ оставилъ по себѣ слѣды, которые не замедлили обнаружиться. Общество, связанное по рукамъ и ногамъ, не смѣющее двинуться, естественно не могло пріобрѣсти ни жизненнаго опыта, ни вѣрнаго взгляда на вещи. Если просвѣщенное меньшинство пришло къ ясному сознанію положенія и выработало даже цѣлую программу преобразованій, то въ массѣ русскаго общества бродили только смутныя понятія, безъ всякой опредѣленной точки опоры. Стѣсненіе умственной дѣятельности влекло за собою крайнюю

скудость теоретическаго образованія, а жизненная практика не въ состояніи была его замѣнить, ибо старыя, вытекшія изъ жизни понятія и привычки не могли пригодиться для новыхъ порядковъ. Преобразованный строй требовалъ новыхъ взглядовъ и новыхъ пріемовъ, которые нужно было выработать изъ слагающихся на практикѣ отношеній. Реформы Александра II такъ быстро измѣнили весь обликъ русской земли, что обществу трудно было найтись въ этомъ водоворотѣ. Многимъ можетъ показаться, что они совершились слишкомъ поспѣшно, что общество надобно было постепенно пріучать къ новому порядку вещей. Но дѣло въ томъ, что они были слишкомъ долго задержаны. Когда правительство, вмѣсто того чтобы вести народъ путемъ постепенныхъ улучшеній, останавливаетъ всякое движеніе и подавляетъ всякую свободу, оно неизбѣжно приводитъ къ необходимости крутаго перелома. Приходится разомъ наверстать потерянное время. Умы успѣли созрѣть уже настолько, что они не довольствуются полумѣрами. Преобразованія Александра II-го были наименьшимъ, что можно было дать русскому обществу, и, какъ уже замѣчено выше, оно быстрымъ ихъ усвоеніемъ показало, что оно было къ нимъ

готово. Оно бы и справилось съ ними, не смотря на быстроту перемѣны, если бы къ этому не примѣшались явленія другаго рода.

Естественное послѣдствіе угнетенія мысли состоитъ въ томъ, что она вдается въ крайнія направленія. Одна крайность всегда вызываетъ другую. Чѣмъ болѣе мысль стѣснена, тѣмъ болѣе въ ней возбуждается ненависть ко всякому стѣсненію, и чѣмъ менѣе практическая жизнь даетъ простора для дѣятельности, тѣмъ болѣе люди способны увлекаться теоретическими построеніями. Въ царствованіе Николая I-го, особенно въ последніе его годы, русскому человѣку нечего было болѣе дѣлать, какъ фантазировать, а такъ какъ образованіе было скудное и наука не полагала предѣла воображенію, то послѣднее предавалось разгулу. Уже въ то время соціалистическія идеи были въ полномъ ходу среди учащейся молодежи. Съ водвореніемъ большей свободы пропаганда приняла болѣе широкіе размѣры. Сочиненія соціалистическаго и матеріалистическаго содержанія ходили по рукамъ въ рукописяхъ и брошюрахъ. Центромъ этой пропаганды сдѣлалась петербургская журналистика, которая задала себѣ цѣлью подорвать всякій авторитетъ и явно проповѣдывала соціалистическія и матеріалисти-

ческія идеи, выставляя ихъ идеаломъ будущаго, къ которому надобно стремиться всѣми средствами. Для руководившихъ ею писателей законный порядокъ, право, политическая свобода, были только пустыми словами или орудіями для достиженія иныхъ цѣлей. Мужикъ, закрѣпощенный въ общину, и фабричный рабочій, связанный по рукамъ и по ногамъ въ государственной артели, таковъ былъ единственный ихъ идеалъ, и къ этому они направляли недоучившееся юношество, жадно внимавшее ихъ словамъ.

Трудно было придумать направленіе болѣе вредное для тѣхъ задачъ, которыя предстояли Россіи. Въ то время какъ русское общество должно было усвоить себѣ новыя для него гражданскія начала, требовавшія разумнаго пониманія дѣйствительности и бережнаго отношенія къ свободѣ и праву, ему внушали, что все это вздоръ, что весь существующій порядокъ обреченъ на погибель; нахватавшіеся разныхъ вершковъ журналисты старались перепутать у него всѣ понятія, подорвать въ немъ всякое довѣріе ко всему, что возвышается надъ уровнемъ толпы; они поддерживали безсмысленное броженіе, когда нужно было спокойствіе, возбуждали смуты и тѣмъ самымъ вызывали реакціонныя мѣры. Многіе

доселѣ причисляютъ Чернышевскаго, Добролюбова и Ко. къ дѣятелямъ эпохи преобразованій. Ихъ можно считать дѣятелями развѣ только на подобіе мухъ, которыя гадятъ картину великаго художника. Но слѣды мухъ смываются легко, тогда какъ соціалистическая пропаганда, ведущая свое начало отъ петербургской журналистики, отравила и доселѣ отравляетъ значительную часть русскаго юношества. Она породила явленія, которыя сдвинули Россію съ пути правильнаго развитія и открыли широкія двери реакціи.

Казалось бы, что правительство могло найти въ здоровыхъ элементахъ опору противъ этихъ стремленій. Но тутъ было затрудненіе другаго рода, порожденное точно также системою предшествовавшаго царствованія. Оно заключалось въ томъ глубокомъ недовѣріи къ правительству, которое, подъ гнетомъ Николаевскаго деспотизма, укоренилось въ русскомъ обществѣ. Не только люди крайнихъ мнѣній, но и вся мыслящая часть общества привыкла смотрѣть на правительство, какъ на своего врага. Поэтому, когда оно, уступая потребностямъ времени, принялось за преобразованія, оно не нашло дружной поддержки. Ни защитники, ни противники нововведеній не вѣрили въ твердость и послѣдовательность пра-

вящей власти. Этому въ значительной степени способствовали тѣ колебанія, которымъ подвергались преобразовательныя стремленія, и тѣ интриги, которыя велись противоположными партіями вокругъ престола. Когда же преобразованія были установлены на твердой почвѣ закона, исполненіе ихъ было ввѣрено людямъ, не внушавшимъ ни малѣйшаго довѣрія обществу. Главные дѣятели по освобожденію крестьянъ были удалены, и во главѣ управленія были поставлены чистые бюрократы. Отчасти въ этомъ заключалась политическая мысль: царь хотѣлъ успокоить дворянство, у котораго отнимались права. Если выработка закона происходила путемъ борьбы, то исполненіе должно было совершаться путемъ примиренія. Но для того чтобы дѣйствовать примирительно, нужно внушать довѣріе, а именно этого-то и не было. Одинъ изъ великихъ недостатковъ самодержавной власти состоитъ въ томъ, что она склонна смотрѣть на людей, какъ на простыя орудія: что прикажутъ, то и будетъ сдѣлано, а о томъ, что для разумнаго и плодотворнаго исполненія нужны мысль и воля, что существеннымъ элементомъ всякаго управленія является нравственный авторитетъ людей, стоящихъ во главѣ, нѣтъ и помину. По-

нятно, что при такихъ условіяхъ, правительство, совершавшее величайшія преобразованія, не находило въ обществѣ надлежащей поддержки. Враги нововведеній становились къ нему въ явную оппозицію и стремились къ ограниченію верховной власти, съ цѣлью взять исполненіе въ свои руки; защитники же преобразованій, удаленные отъ дѣлъ и не довѣряя твердости правительства, давали ему расправляться, какъ оно знаетъ. Отсюда то странное явленіе, что всякій человѣкъ, который дерзалъ сказать слово въ пользу власти, водворявшей въ Россіи начала свободы и права, подвергался порицанію и гоненію именно со стороны людей либеральнаго лагеря. На него указывали, какъ на казеннаго писателя, преданнаго правительству и ищущаго карьеры. И правительство, съ своей стороны, не только не поддерживало своихъ защитниковъ, а напротивъ, готово было при первомъ случаѣ выдать ихъ головою.

При такомъ настроеніи, соціалистическая пропаганда естественно не встрѣчала противодѣйствія. Вниманіе правительства и общества было поглощено совершавшимся въ отечествѣ великимъ дѣломъ, и она воспользовалась этимъ для тайной организаціи. Въ то самое время, какъ

съ высоты престола даровалась свобода двадцати милліонамъ русскихъ людей, какъ происходилъ величайшій переворотъ въ русской исторіи, издавались печатно подпольныя прокламаціи, приглашавшія къ истребленію не только всей царской семьи, но и всего дворянства и высшаго чиновничества. Университеты волновались, и правительство не знало, что съ ними дѣлать. Оно вздумало принять крутыя мѣры, но это только усилило волненіе. Въ Петербургѣ распространились поджоги, которые приписывались той же тайной организаціи; произошелъ страшный пожаръ Апраксина двора. Провинція спокойно совершала дѣло освобожденія; но въ столицахъ господствовало невообразимое и безсмысленное броженіе умовъ.

Къ внутреннимъ затрудненіямъ присоединились внѣшнія. Вспыхнуло польское возстаніе. Поляки не сумѣли воспользоваться благими стремленіями Александра II. Имъ были сдѣланы крупныя уступки. Намѣстникомъ Царства назначенъ былъ либеральный братъ государя, одушевленный въ отношеніи къ Польшѣ самыми доброжелательными намѣреніями. Главнымъ его пособникомъ былъ государственный мужъ изъ Поляковъ, человѣкъ, одаренный умомъ и энергіей, способный

вести свое отечество по пути правильнаго и постепеннаго развитія, стремившійся дать ему самую широкую автономію. Но Полякамъ нужно было все или ничего. Они хотѣли силою вырвать то, что давалось имъ медленнымъ процессомъ гражданской жизни. Въ этомъ сказался тотъ недостатокъ политическаго смысла, который издавна характеризовалъ этотъ даровитый и несчастный народъ. Въ средѣ аристократовъ, по обыкновенію, происходили раздоры; Замойскій противодѣйствовалъ Велепольскому. Подъ его вліяніемъ изданъ былъ манифестъ, которымъ объявлялось, что Польша можетъ удовлетвориться только границами 1772 года, то есть, заявлялось совершенно безсильное притязаніе на весь заселенный русскимъ племенемъ Западный край. Этимъ уничтожалась всякая возможность сближенія съ Россіей, а вмѣстѣ съ тѣмъ объявлялась война и Пруссіи и Австріи. И для поддержанія этихъ безмѣрныхъ требованій организовалось революціонное движеніе. Оно разразилось всеобщимъ возстаніемъ, которое, не будучи въ состояніи дѣйствовать явною силой, прибѣгало къ тайному террору. Жандармы-вѣшатели приводили въ трепетъ самыхъ мирныхъ гражданъ и заставляли ихъ примыкать къ движенію. Но

именно это привело къ результатамъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, которые имѣли въ виду революціонные дѣятели; они сами погубили свое дѣло, возбудивъ противъ себя общее негодованіе. Въ русскомъ обществѣ воспрянуло всегда присущее ему патріотическое чувство. Главнымъ его выразителемъ явился Катковъ, который черезъ это пріобрѣлъ громадную популярность. Польское движеніе создало его силу и дало ему новое направленіе. Это было начало общественной реакціи. Съ своей стороны, правительство принимало энергическія мѣры. Въ Литву былъ посланъ Муравьевъ, который противопоставилъ правительственный терроръ революціонному и тѣмъ подавилъ мятежъ. Литва была спасена. Безъ особеннаго труда было подавлено и возстаніе въ Польшѣ, послѣ того какъ русское правительство твердо отвергло всякое вмѣшательство иностранныхъ державъ. Для окончательнаго умиротворенія Польши туда посланы были главные дѣятели по освобожденію крестьянъ, которые рядомъ мѣръ въ пользу сельскаго населенія старались привязать его къ Россіи.

Все это естественно вытекало изъ положенія вещей и оправдывалось обстоятельствами. Къ сожалѣнію, русское правительство на этомъ не

остановилось. Оно сочло нужнымъ окончательно уничтожить самостоятельность Царства Польскаго, включивъ его въ составъ Русской Имперіи. Это была крупная политическая ошибка. Нельзя искусственнымъ, чисто механическимъ образомъ привязывать къ тѣлу членъ, который не связанъ съ нимъ органически. Польша всегда была и есть больное мѣсто Россіи; но наружная болѣзнь менѣе опасна, нежели вогнанная внутрь. Уничтоженіе самостоятельности Царства Польскаго и всѣ стремленія къ обрусенію края не содѣйствуютъ сближенію его съ Россіей, а напротивъ, возбуждаютъ въ населеніи только большую ненависть къ иноземному владычеству. Своимъ безумнымъ возстаніемъ Поляки надолго отдалили возможность правильнаго рѣшенія вопроса; но и мѣры, принятыя русскимъ правительствомъ, нисколько не приближаютъ насъ къ этой цѣли. На исходѣ XIX-го вѣка это остается грознымъ вопросомъ будущаго.

Съ польскою смутой русское правительство справилось. Не такъ легко было справиться съ внутреннимъ броженіемъ. Увлеченная соціалистическою пропагандой часть русской молодежи пошла въ народъ. Распространялись всякаго рода ложные слухи; фабриковались фальшивые

манифесты. Подпольные листки печатались въ тайныхъ типографіяхъ и разсылались всюду. Очевидно, все это имѣло въ виду произвести возстаніе дикой массы противъ правительства и высшихъ классовъ. Мѣры, которыя принимала испуганная власть, только усиливали зло. Слѣдствіе надъ злоумышленниками было поручено лицу, не знавшему никакихъ нравственныхъ сдержекъ. Виновные и невинные, по малѣйшему подозрѣнію, сажались въ тюрьму и содержались тамъ по цѣлымъ годамъ при ужасающихъ условіяхъ. Административная ссылка практиковалась въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, безъ всякаго толку и часто даже безъ всякаго повода. Когда впослѣдствіи стали разбирать эти дѣла, оказалось, что въ значительной части случаевъ полиція не знала даже, за что люди были сосланы въ отдаленныя губерніи или въ Сибирь. Все это, разумѣется, могло произвести только большее озлобленіе. По всѣмъ угламъ Россіи ссыльными разносились революціонныя идеи; множество семействъ, пораженныхъ въ самыхъ святыхъ своихъ чувствахъ, становились во враждебное отношеніе къ правительству. Нигилисты, черезъ это, не только не ослаблялись, а напротивъ, получали еще большую силу. Они сложились въ

крѣпкую организацію, имѣвшую своимъ центромъ Женеву и пускавшую свои развѣтвленія всюду. Эта сплоченная шайка поставила себѣ задачею терроризировать русское правительство и преслѣдовала свою цѣль съ удивительною послѣдовательностью и умѣніемъ. Начался цѣлый рядъ убійствъ: среди бѣлаго дня, на улицахъ столицы, шефъ жандармовъ палъ жертвою злодѣевъ. Самъ царь преслѣдовался, какъ дикій звѣрь. Въ него неоднократно стрѣляли; дѣлались подкопы подъ желѣзныя дороги на его пути; произошелъ взрывъ Зимняго Дворца. И при ѳтомъ виновные, въ большинствѣ случаевъ, ускользали изъ рукъ неумѣлой и ошалѣвшей полиціи. Казалось, вся энергія, къ которой способенъ русскій человѣкъ, сосредоточилась въ этомъ скопищѣ, для дѣла чистаго безумія. Подобно тому, какъ сумасшедшій проявляетъ иногда изумительную хитрость въ достиженіи своихъ безсмысленныхъ цѣлей, русскіе нигилисты какъ будто направили весь свой умъ и всю свою волю на то, чтобы сбить Россію съ правильнаго пути, водворить въ ней полный хаосъ и тѣмъ самымъ, въ концѣ концовъ, вызвать самую суровую реакцію. Одно время потерявшее голову правительство думало обратиться къ содѣйствію общества. Призванный къ власти

Лорисъ-Меликовъ хотѣлъ успокоить умы либеральными уступками. Печать вздохнула свободнѣе; множество ссыльныхъ были возвращены. Изготовленъ былъ даже проектъ созыва выборныхъ лицъ для совѣщанія по законодательнымъ вопросамъ. Но безумные нигилисты не дали совершиться этому дѣлу. Убійство царя положило конецъ всякимъ либеральнымъ начинаніямъ.

Съ невыразимымъ чувствомъ скорби и стыда вспоминаетъ русскій человѣкъ объ этомъ страшномъ событіи. Государь, даровавшій свободу многимъ милліонамъ своихъ подданныхъ, впервые внесшій въ Россію невѣдомыя ей дотолѣ начала права и закона, совершившій въ короткое время величайшія преобразованія, о какихъ повѣствуетъ всемірная исторія, палъ, злодѣйски растерзанный убійцами, вышедшими изъ нѣдръ облагодѣтельствованнаго имъ народа. Въ этомъ выразились не только вся умственная тупость, но и все то нравственное безобразіе, которыми отличался русскій нигилизмъ. Это безобразіе клеймилъ еще Герценъ въ женевской эмиграціи, въ выраженіяхъ, не поддающихся печати; оно вполнѣ выразилось въ процессѣ Нечаева. Убійство царя раскрыло всю его глубину. Только при отсутствіи всякаго нравственнаго чувства можно вы-

ставлять нигилистовъ людьми, стремившимися къ идеалу; это было не болѣе какъ отребье русскаго общества. Однако Россія не можетъ снять съ себя нравственной отвѣтственности за дѣло, совершенное собственными ея сынами. Мы всѣ до нѣкоторой степени солидарны съ тѣми явленіями, которыя происходятъ среди насъ. Злодѣяніе 1-го марта обнаружило всю ту бездну зла, которое накопилось въ русскомъ обществѣ. Если легкость, съ которою совершились и усвоились великія преобразованія Александра II, показывали въ немъ присутствіе здоровыхъ элементовъ, способныхъ идти по пути просвѣщенія и прогресса, то нигилистическое движеніе раскрыло тѣ гнилые соки, которые, вскормленные и сдавленные предшествующимъ гнетомъ, обратились во внутренніе нарывы, заразившее весь организмъ. Россія должна была понести за это кару; она явилась въ видѣ реакціи. Безуміе принесло свои плоды: вмѣсто того, чтобы содѣйствовать расширенію свободы, оно сообщило движенію попятный ходъ.

Реакція, всегда и вездѣ, составляетъ неизбѣжное послѣдствіе появленія на сцену крайнихъ элементовъ; это — общій историческій законъ. Вопросъ заключается въ томъ: какова реакція и

какъ она дѣйствуетъ? Возстановляетъ ли она только то, что нужно, опираясь на здоровыя и умѣренныя силы общества, или она, въ свою очередь, впадаетъ въ крайность и тѣмъ самымъ вызываетъ новыя колебанія?

Въ Россіи реакція началась еще при Александрѣ II. Она была естественнымъ результатомъ нигилистическаго движенія. Она обнаружилась, какъ въ правительствѣ, такъ и въ обществѣ. Въ правительственныхъ сферахъ во главѣ ея стоялъ тогдашній шефъ жандармовъ, ничего не понимавшій въ государственномъ управленіи, кромѣ полицейскихъ мѣръ, и подыскивавшій себѣ пособниковъ изъ легковѣсныхъ гвардейцевъ и бюрократовъ. Въ значительной части Россіи введено было положеніе усиленной охраны; на мѣсто законнаго порядка водворился произволъ. Однако, главныя основы реформъ остались нетронуты. Царь, вынужденный вступить на несвойственный ему путь, свято оберегалъ совершенное имъ дѣло. Самъ шефъ жандармовъ вскорѣ былъ удаленъ; въ концѣ царствованія либеральное направленіе снова восторжествовало.

Иной характеръ приняла общественная реакція. Здѣсь ея вожатаемъ явился журналистъ, одаренный значительнымъ умомъ, образованіемъ

и талантомъ, но чуждый всякихъ нравственныхъ побужденій, имѣвшій въ виду только личныя цѣли — достиженіе власти и вліянія. Пріобрѣтши выдающееся положеніе вслѣдствіе той роли, которая далась ему въ польскомъ вопросѣ, онъ увидѣлъ, что играя на патріотической стрункѣ, можно съ успѣхомъ дѣйствовать и на правительство и на общество. Но въ его рукахъ поднятое имъ патріотическое знамя окунулось въ грязь. Оно перестало быть символомъ святыхъ чувствъ и благородныхъ стремленій; оно сдѣлалось синонимомъ раболѣпства и притѣсненія. Это была злобная травля всѣхъ подвластныхъ народностей, которыя обвинялись въ стремленіи къ сепаратизму. Всякое проявленіе независимости предавалось анаѳемѣ; все должно было подчиняться всемогущей и подводящей всѣхъ къ однообразному уровню государственной власти. Такое направленіе могло увлечь за собою толпу пошляковъ, которые и видѣли въ Катковѣ своего божка; но въ просвѣщенной части общества, въ людяхъ, стоявшихъ во главѣ общественныхъ учрежденій, оно не могло найти отголоска. Видя, что онъ теряетъ здѣсь почву, Катковъ обратился противъ всѣхъ независимыхъ общественныхъ силъ. Земство, города, университеты, суды,

сдѣлались предметомъ постоянныхъ и яростныхъ его нападковъ. Снизу раболѣпная покорность власти, а сверху бюрократія, послушная голосу журналиста, таковъ былъ идеалъ, который проповѣдывалъ этотъ прежній либеральный писатель, недавно еще безусловный поклонникъ англійскихъ учрежденій. Но пока живъ былъ Александръ II, эти стремленія сдерживались желаніемъ угодить Царю-преобразователю, который дорожилъ своими созданіями. Какъ же скоро онъ палъ жертвою убійцъ, такъ прежній льстецъ, считавшій своимъ призваніемъ прославлять мудраго монарха, обрушился на него всею силою своего ядовитаго краснорѣчія, осыпая ругательствами всѣ совершенныя имъ великія дѣла. Возстановленіе власти, передъ которой все должно преклоняться — таковъ былъ кличъ, раздавшійся изъ за журнальнаго стола, и правительство послѣдовало этому зову. Катковъ первое время былъ однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ новаго государя.

Утвержденіе власти, способной подавить обнаружившіяся въ такихъ ужасающихъ размѣрахъ революціонныя стремленія, было, безспорно, потребностью времени послѣ событія 1-го марта. Продолжать просто прежнюю либеральную политику, какъ хотѣлъ дѣлать Лорисъ-Меликовъ,

было немыслимо. Это была, съ его стороны, крупная ошибка. Но недостаточно стремиться къ усиленію власти; надобно знать, въ чемъ заключается истинная ея сила. Она состоитъ не въ однихъ механическихъ орудіяхъ; ихъ было въ избыткѣ. Она дается и не широтою предоставленныхъ исполнителямъ правъ; и въ этомъ отношеніи все было сдѣлано, и дальше нельзя было идти: бо́льшая половина Россіи находилась въ положеніи усиленной охраны, и администраціи даны были самыя обширныя полномочія. Дѣло въ томъ, что сила власти не исчерпывается матеріальными средствами; надобно, чтобы къ этому присоединялся духовный элементъ, — тотъ нравственный авторитетъ, который привлекаетъ къ правительству довѣріе и уваженіе народа. Но для пріобрѣтенія нравственнаго авторитета надобно опираться на здоровые и крѣпкіе элементы общества. Это въ особенности необходимо тамъ, гдѣ приходится лѣчить глубоко вкоренившуюся болѣзнь. Тутъ недостаточно однихъ внѣшнихъ средствъ; нужна реакція со стороны самого организма, а для этого надобно побудить его къ дѣятельности. Между тѣмъ, реакція, наступившая послѣ трагической смерти Царя-Освободителя, дѣйствовала какъ разъ наоборотъ.

Она обратилась не только противъ гнилыхъ соковъ, но и противъ самыхъ здоровыхъ элементовъ общества. Всякая независимая сила, всякая общественная сомодѣятельность считались опасными. Утвержденіе власти было ввѣрено исключительно старой, оказавшейся никуда не годной и потерявшей всякій авторитетъ бюрократіи.

Для исполненія этой задачи выведенъ былъ изъ тьмы самый гнусный изъ русскихъ государственныхъ людей, графъ Толстой, злобный и лукавый, явный врагъ всякой независимости и всякихъ общественныхъ учрежденій. Будучи министромъ народнаго просвѣщенія въ реакціонную пору царствованія Александра II, онъ возбудилъ противъ себя всеобщую ненависть бездушнымъ управленіемъ ввѣреннаго ему вѣдомства. Подъ вліяніемъ Каткова, онъ провелъ классическую реформу гимназій, которая нашимъ мало свѣдущимъ государственнымъ людямъ выдавалась за самое вѣрное средство внушить юношеству консервативныя идеи, но которая введена было чисто бюрократическимъ способомъ, чѣмъ самымъ она обречена была на полное безплодіе. Вопль противъ министра былъ общій, и первымъ дѣломъ Лорисъ-Меликова, когда онъ былъ призванъ къ власти, было удаленіе графа Толстаго.

Теперь же опальный сановникъ, къ изумленію всѣхъ, снова былъ поднятъ на высоту и поставленъ во главѣ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ подмогу ему, министромъ народнаго просвѣщенія сдѣланъ былъ прежній его товарищъ, ничтожный Деляновъ, трепетавшій передъ всякою силой, послушное орудіе въ рукахъ Каткова и компаніи. Утвердившись на мѣстѣ, союзники принялись за работу.

Первый ударъ постигъ университеты. Это было завершеніе печальной повѣсти русскаго высшаго образованія. Было время, когда русскіе университеты стояли высоко, и по своему составу, и по своему вліянію на общество. Въ сороковыхъ годахъ, подъ просвѣщеннымъ управленіемъ графа Уварова и попечительствомъ графа Строганова, Московскій университетъ въ особенности былъ центромъ, откуда распространялся свѣтъ по всей русской землѣ. Чего нельзя было говорить въ печати, то высказывалось на каѳедрѣ. При отсутствіи всякой общественной жизни, умственные интересы въ то время поглощали вниманіе всѣхъ и находили здѣсь богатую пищу. Изъ университета выходили молодые люди, исполненные жажды знанія, съ идеальными стремленіями. 48-й годъ все это

разомъ сокрушилъ. Испуганное революціонными движеніями Запада, правительство обрушилось на русскіе университеты, въ которыхъ оно видѣло разсадники ненавистнаго ему либерализма. Число студентовъ было ограничено; преподаваніе философіи было ввѣрено священникамъ. Введена была военная дисциплина; студенты обучались маршировкѣ. Попечителемъ Московскаго учебнаго округа былъ назначенъ совершенно невѣжественный генералъ; каѳедры наполнялись бездарностями. Такъ продолжалось вплоть до новаго царствованія. Затѣмъ, послѣ безсмысленнаго гнета, наступила полная распущенность. Заботы были иныя и на университеты обращали мало вниманія. Неумѣлое начальство не знало, на какой ногѣ плясать. Студенты сами выгоняли бездарныхъ профессоровъ. Наконецъ, правительство рѣшилось принять строгія мѣры. Министромъ Народнаго Просвѣщенія назначенъ былъ крутой и ограниченный графъ Путятинъ. Но это только усилило броженіе. Во всѣхъ университетахъ произошли безпорядки. Петербургскій университетъ подвергся разгрому; нѣкоторые изъ лучшихъ профессоровъ изъ него вышли. Но Московскій былъ спасенъ, благодаря единодушію университетской корпораціи, которая противилась

безпорядкамъ, дѣйствовала на студентовъ, но въ тоже время представила правительству о необходимости отмѣны стѣснительныхъ мѣръ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и пересмотра устарѣвшаго въ нѣкоторыхъ частяхъ университетскаго устава. Уступая этимъ представленіямъ, правительство созвало комиссію изъ профессоровъ отъ всѣхъ русскихъ университетовъ, которая и выработала уставъ 1863 года. Онъ былъ разосланъ затѣмъ по всѣмъ университетамъ и введенъ въ дѣйствіе послѣ зрѣлаго и всесторонняго обсужденія. По существу, онъ не заключалъ въ себѣ ничего новаго. Корпоративное устройство университетовъ, съ выборными ректоромъ и деканами, признавались и Александровскими уставами 1804 года и Николаевскимъ уставомъ 1835 года. Оно составляло естественную принадлежность университета, какъ высшаго просвѣтительнаго учрежденія, условіе его жизни и его вліянія на стекающуюся въ него молодежь. Уставомъ 1863 года были только точнѣе опредѣлены отношенія властей; университеты ставились въ совершенно нормальное положеніе. Въ результатѣ, въ нихъ на цѣлый рядъ лѣтъ водворилось спокойствіе.

Но именно противъ этого устава ополчился теперь Катковъ, который во времена своего ли-

берализма былъ горячимъ его приверженцемъ. Товарищъ его по редакціи *Мовковскихъ Вѣдомостей,* Леонтьевъ, самъ участвовалъ въ обсужденіи составленнаго коммиссіей проекта. Причина поворота была чисто личная. *Московскія Вѣдомости* считались газетою, издаваемою Московскимъ университетомъ, и таковою она прежде дѣйствительно была. Первоначально редакторы получили ее въ видѣ аренды по постановленію Совѣта, хотя впослѣдствіи аренда была продолжена распоряженіемъ правительства. Пользуясь своимъ положеніемъ и пріобрѣтеннымъ ими вліяніемъ, редакторы хотѣли властвовать въ университетѣ безгранично, и сначала это имъ удалось. Непріятныя имъ лица, служившія помѣхою ихъ властолюбію, были вытѣснены съ помощью сдѣлавшагося тогда министромъ графа Толстаго. Но затѣмъ Совѣтъ, почувствовавъ всю тяжесть опеки, взбунтовался. Ректоромъ былъ выбранъ въ высшей степени почтенный и умѣренный, но не угодный редакціи человѣкъ, знаменитый историкъ, С. М. Соловьевъ. Вслѣдъ затѣмъ Леонтьевъ, при выборахъ послѣ истекшаго двадцатипятилѣтія службы, былъ забаллотированъ. Тогда онъ пришелъ въ Совѣтъ и въ присутствіи всѣхъ, цинически объявилъ: „вы лизнули моей крови,

но я вамъ отмщу.“ Со стороны редакціи начался самый яростный походъ противъ университетовъ. Факты извращались безсовѣстнымъ образомъ; всякая мелочь возводилась въ крупное событіе. И министерство графа Толстаго все это поддерживало. За отвѣты на расточаемыя газетою клеветы профессора подвергались выговорамъ. Самъ почтенный С. М. Соловьевъ принужденъ былъ оставить и ректорство и каѳедру, что ускорило его кончину.

Цѣль редакціи состояла въ уничтоженіи всякой автономіи университетовъ. Потерявши въ нихъ почву, она хотѣла властвовать въ нихъ посредствомъ послушнаго ей министерства. Въ этомъ духѣ выработанъ былъ проектъ новаго устава. Однако, графъ Толстой не рѣшился его проводить. При жизни Александра II, который дорожилъ своимъ дѣломъ, успѣхъ былъ болѣе, чѣмъ сомнителенъ. За такое малодушіе, при паденіи графа Толстаго, Катковъ осыпалъ его бранью. Но теперь обстоятельства были благопріятны, и временные враги примирились во имя личныхъ интересовъ, а новый министръ Народнаго Просвѣщенія, Деляновъ, былъ для этого самымъ удобнымъ орудіемъ. Въ сущности, введеніе новыхъ порядковъ не представляло для него ни-

какого интереса. Онъ былъ совершенно равнодушенъ и къ университетамъ и къ народному просвѣщенію; ему нужно было только держаться на мѣстѣ, а для этого надобно было угодить Каткову, котораго онъ боялся, какъ огня. Проектъ новаго университескаго устава былъ внесенъ въ Государственный Совѣтъ.

Но здѣсь онъ встрѣтилъ сильную оппозицію Противъ него возсталъ вліятельный оберъ-прокуроръ Св. Синода, К. П. Побѣдоносцевъ, который самъ нѣкогда былъ преподавателемъ въ Московскомъ университетѣ и понималъ все безуміе предлагаемыхъ мѣръ. Это былъ полный разгромъ университетовъ, и притомъ безъ малѣйшаго повода. Въ самыя суровыя времена Николая I, когда университеты подверглись безпощадному гоненію, правительство присвоило себѣ только назначеніе ректора; выборъ декановъ оставался за факультетами. Теперь же отмѣнялись всѣ выборныя права; корпоративное устройство университетовъ совершенно уничтожалось; порывалась всякая связь профессоровъ между собой и съ студентами. Самое производство экзаменовъ отнималось у университетской коллегіи; оно ввѣрялись особымъ правительственнымъ коммиссіямъ, которыя должны были экза-

меновать всѣхъ кончившихъ курсъ, притомъ неизвѣстно на какихъ основаніяхъ, ибо не было ни программъ, ни учебниковъ. Очевидно, это могло произвести только полный хаосъ, какъ и показало послѣдующее время. И къ довершенію безобразія, все это прикрывалось лицемѣрнымъ знаменемъ свободы преподаванія, о которой въ дѣйствительности не было и помину. Нелѣпость новаго устава была такъ ясна, что значительное большинство Государственнаго Совѣта высказалось противъ него.

Тогда произошла закулисная игра, весьма характерная для судебъ русскаго законодательства. Послѣ различныхъ настояній и переговоровъ, противники пришли къ соглашенію. Оберъ-прокуроръ Св. Синода расчелъ, что ему гораздо выгоднѣе быть въ союзѣ съ Толстымъ, Деляновымъ и Катковымъ, нежели становиться къ нимъ во враждебное отношеніе изъ за такого пустаго, по петербургскому воззрѣнію, вопроса, какъ судьба русскихъ университетовъ и русскаго юношества. Онъ выдалъ униврситы ихъ врагамъ. Но при этомъ надобно было обойти Государя. И это было сдѣлано очень тонкимъ образомъ. Побѣдоносцеву, какъ юристу, было весьма хорошо извѣстно, что Государственый Совѣтъ

есть первое учрежденіе Имперіи, что онъ созданъ именно затѣмъ, чтобы въ законодательныхъ вопросахъ изъять монарха изъ подъ вліянія мелкихъ котерій и личныхъ отношеній. Государь можетъ не согласиться съ большинствомъ, но если онъ не имѣетъ собственнаго мнѣнія, то онъ въ этомъ большинствѣ находитъ опору: утверждая его постановленія, онъ оказываетъ уваженіе высшему законодательному органу государства. На это могъ сослаться опытный юристъ, если онъ видѣлъ колебанія монарха. Вмѣсто того, что же сдѣлалъ Побѣдоносцевъ? Онъ посовѣтовалъ Государю, послѣ того какъ законъ былъ обсужденъ въ Государственномъ Совѣтѣ, составить маленькое совѣщаніе изъ довѣренныхъ лицъ и подвергнуть проектъ новому обсужденію, то есть, показать полное презрѣніе къ первому учрежденію Имперіи, дать ему нѣкотораго рода публичную пощечину. И совѣщаніе было подстроено такъ, что самые вліятельные противники новаго устава, Бунге, баронъ Николаи, въ это время были въ отпуску. Къ совѣщанію были призваны трое изъ защитниковъ проекта, Толстой, Деляновъ и всегда послушный имъ Островскій, а противникомъ его явилось только одно лице, самъ предатель, оберъ-прокуроръ Св. Си-

нода. Понятно, какъ онъ возражалъ, и немудрено, что послѣ совѣщанія Государь сказалъ ему: „вы видите, что всѣ противъ васъ; какъ же я могу съ ними не согласиться?“ Штука была сыграна, Государь кругомъ обманутъ, и новый уставъ утвержденъ во всей своей силѣ. Катковъ разразился торжествующею статьею.

И тутъ же министерство Народнаго Просвѣщенія постаралось доказать, что все это было только недостойною комедіей, что повода къ перемѣнамъ не было никакого. Отмѣнивъ всѣ выборныя права университетовъ, оно отъ перваго до послѣдняго назначило ректорами и деканами тѣхъ самыхъ лицъ, которыя передъ тѣмъ были выбраны факультетами и совѣтами. И, сколько извѣстно, одинъ только ректоръ Харьковскаго университета, Цѣхановецкій, отказался промѣнять выборную должность на правительственную, что, конечно, болѣе свидѣтельствуетъ о податливости профессоровъ, нежели объ ихъ оппозиціонномъ духѣ. Очевидно, правительство считало ихъ людьми достойными своего довѣрія. Чѣмъ же, спрашивается, вызванъ былъ весь этотъ разгромъ и на что онъ былъ нуженъ? Когда подумаешь, что вся судьба русскаго юношества и русскаго просвѣщенія была отдана на

жертву самымъ низменнымъ личнымъ цѣлямъ безсовѣстнаго журналиста, кипящей въ немъ жажды мести и власти, то все нравственное существо человѣка возмущается противъ порядка вещей, въ которомъ возможны подобныя явленія.

Этотъ нанесенный университетамъ ударъ не могъ не имѣть для нихъ самыхъ печальныхъ послѣдствій. Наименьшимъ еще зломъ былъ тотъ хаосъ, который водворился въ нихъ на первыхъ порахъ. Изъ всѣхъ отраслей государственнаго управленія народное просвѣщеніе есть то, которое требуетъ наибольшей послѣдовательности, осторожности и умѣнія. Тутъ нужны не одни административныя, но и педагогическія способности. Надобно пріучить юношей къ умственной дисциплинѣ, пріобрѣсти надъ ними нравственный авторитетъ, внушить имъ уваженіе къ ихъ руководителямъ. Въ этой области всего вреднѣе колебанія въ ту и другую сторону, смѣны строгости и распущенности; менѣе всего допустимы радикальные перевороты. А тутъ внезапно перевертывался весь строй университетской жизни. Все старое уничтожалось, а новое не было создано, да и не могло быть создано, ибо оно противорѣчило существующимъ условіямъ. Первые годы послѣ введенія новаго устава никто

не зналъ, что дѣлать и чего требовать. Одно за другимъ выпускались поколѣнія съ полнымъ хаосомъ въ умахъ. Мало по малу пришлось возвратиться къ прежнимъ порядкамъ, возстановить ежегодныя испытанія по лекціямъ профессоровъ. Отъ новаго устава остался безсмысленный гонораръ, который, при отсутствіи свободы преподаванія и полномъ недостаткѣ умственныхъ силъ, велъ только къ безмѣрному стяжанію однихъ при нищенскомъ вознагражденіи другихъ. Студентамъ предоставлялось справляться съ этимъ, какъ они знаютъ.

Но если въ учебномъ строѣ можно еще было еще ввести нѣкоторый порядокъ, устранивъ главныя основанія новаго устава, то ничто не могло исцѣлить того нравственнаго разстройства и униженія, которыя были имъ произведены. Корпоративныя связи были разрушены, нравственный авторитетъ подорванъ. Профессора превратились въ чиновниковъ, обязанныхъ читать лекціи. Что должны были думать студенты о преподавателяхъ, которымъ правительство оказывало полное недовѣріе, отнявъ у нихъ права, принадлежавшія имъ искони, съ тѣхъ поръ какъ существовали университеты? Или это недовѣріе

было заслужено, и тогда преподаватели оказывались недостойными своего призванія; или же ихъ постигла незаслуженная кара, и тогда подрывалось всякое довѣріе къ правительству, которое являлось произвольнымъ и притѣснительнымъ, врагомъ свободы и просвѣщенія. Въ дѣйствительности, оба эти взгляда были усвоены учащеюся молодежью; она потеряла всякое довѣріе, какъ къ близкой, такъ и къ отдаленной власти. Но такъ какъ юношамъ нужна опора, то они искали ее въ тайной связи между собою. Съ разрушеніемъ корпоративной связи университетовъ создалась тайная организація студенчества. Противодѣйствовать этому университеты не могли; они лишены были всякихъ правъ и всякаго авторитета. Это сдѣлалось задачею полиціи. Покинутые университетомъ, студенты были отданы ей на жертву. Ихъ хватали и ссылали массами, даже безъ вѣдома университетскаго начальства. Когда профессора хотѣли за нихъ заступиться, имъ дѣлали выговоры за то, что они вмѣшивались не въ свое дѣло. Но, конечно, такой способъ дѣйствія могъ возбудить только вящее негодованіе молодежи. Организація студенчества не только не была сломена, но она

распространилась на всю Россію. Въ слѣдующее царствованіе она обнаружилась въ волненіяхъ, охватившихъ всѣ университеты.

Такимъ образомъ, реакціонныя мѣры противъ высшаго просвѣщенія привели только къ полному его разстройству, къ паденію всякаго нравственнаго авторитета и, въ концѣ концовъ, къ новымъ смутамъ.

Затѣмъ дошла очередь до выборныхъ мѣстныхъ учрежденій — земства и мироваго суда. И тутъ не было ни малѣйшей нужды въ какихъ либо радикальныхъ перемѣнахъ. Земство держало себя смирно, въ предѣлахъ своихъ полномочій; оно строило школы и больницы; ничего бóльшаго оно не домогалось. Мировые суды, не смотря на скудость нашихъ мѣстныхъ силъ, успѣли пріобрѣсти довѣріе населенія; лучшіе мѣстные люди отдались имъ съ полнымъ самоотверженіемъ. Тѣ недостатки, которые оказывались въ крестьянскомъ управленіи вслѣдствіе плохаго устройства уѣздныхъ присутствій, созданныхъ уже въ реакціонное время, легко было исправить, не затрогивая самаго существа учрежденій. Но въ русскихъ правительственныхъ сферахъ господствуетъ стремленіе все передѣлывать и ломать до основанія. Великія пре-

образованія, совершенныя Александромъ II, внушили мысль, что тоже самое можно дѣлать каждыя двадцать лѣтъ, между тѣмъ какъ всякія новыя учрежденія тогда только дѣйствуютъ успѣшно, когда они измѣняются осторожно и постепенно. Еще при Лорисъ-Меликовѣ образована была коммиссія, которой поручено было выработать планъ кореннаго преобразованія мѣстнаго управленія, съ расширеніемъ вѣдомства земства и введеніемъ всесословной волости. При графѣ Толстомъ ея работамъ естественно дано было совершенно противоположное направленіе: теперь все стало клониться къ тому, чтобы ограничить права земства, поставить его подъ опеку и выборное начало въ значительной степени замѣнить бюрократическимъ.

Графъ Толстой не успѣлъ привести къ окончанію своего дѣла; но послѣ его смерти плоды его дѣятельности не замедлили обнаружиться. Въ одно прекрасное утро Россія, къ удивленію своему, узнала, что мировые суды, неизвѣстно почему, уничтожаются и замѣняются земскими начальниками. Это былъ одинъ изъ самыхъ необъяснимыхъ законодательныхъ актовъ, какіе встрѣчаются въ исторіи. Россія, какъ сказано, со времени своего существованія не имѣла на-

стоящаго суда. Впервые онъ былъ созданъ преобразованіями Александра II. Но правительство, при наличныхъ средствахъ, съ трудомъ могло устроить общіе суды, а нуженъ былъ, кромѣ того, судъ болѣе близкій къ народу, удовлетворяющій мѣстнымъ потребностямъ. Къ счастью, нашлись на мѣстахъ люди, которые взяли на себя эти обязанности и исполняли ихъ добросовѣстно, по мѣрѣ силъ. Не смотря на неизбѣжные недостатки, вообще мировыми судами были довольны; никто не жаловался. И вдругъ это учрежденіе, которое заслуживало самаго сочувственнаго вниманія и самаго заботливаго обхожденія, безъ всякаго повода выбрасывается за окно и замѣняется полнѣйшимъ произволомъ. Всѣ обомлѣли, но всѣ покорились; русскіе люди къ этому привыкли. Многіе даже льстиво благодарили.

Съ мировыми судьями уничтожены были и выборные отъ земства непремѣнные члены уѣздныхъ присутствій, наблюдавшіе за крестьянскимъ управленіемъ. Земскіе начальники, назначаемые правительствомъ изъ мѣстныхъ помѣщиковъ, а за недостаткомъ ихъ изъ другихъ лицъ, и облеченные самыми широкими правами, должны были замѣнить собою все. Это были маленькіе царьки

изъ отставныхъ поручиковъ, которымъ всецѣло подчинялось крестьянское населеніе. Къ вящему удивленію, въ манифестѣ, возвѣщавшемъ русскому народу объ этомъ преобразованіи, объявлялось, что введеніе этихъ миніатюрныхъ пашей есть знакъ милости, оказанный царемъ русскому дворянству, изъ среды котораго они должны были выбираться. Со временъ Екатерины русское дворянство пользовалось обширными правами въ области суда и мѣстной администраціи. Преобразованіями Александра II, которыя измѣнили весь существующій строй, эти права были у него отняты. Въ замѣнъ того, оно получило преобладающее положеніе въ земскихъ учрежденіяхъ, гдѣ оно, стоя во главѣ всѣхъ сословій, могло самостоятельно вѣдать хозяйственныя дѣла губерніи и участвовать, посредствомъ выбора мировыхъ судей и непремѣнныхъ членовъ, въ мѣстномъ судѣ и управленіи. Уничтоженіе послѣднихъ очевидно было умаленіемъ правъ, слѣдовательно знакомъ недовѣрія. А между тѣмъ, ему съ высоты Престола говорили, что это милость, на томъ основаніи, что земскихъ начальниковъ правительство предполагало брать преимущественно изъ его среды. Когда при Николаѣ I вводились становые пристава, велѣно было также

набирать ихъ преимущественно изъ мѣстныхъ дворянъ, по совѣщаніи съ предводителями; однако никто не думалъ выдавать это за милость, оказанную дворянству. Самъ графъ Толстой смотрѣлъ на это совершенно иначе: въ своихъ объясненіяхъ къ проекту онъ прямо говорилъ, что дворянство призывается тутъ единственно какъ поставщикъ чиновниковъ, чѣмъ оно искони было, а отнюдь не какъ корпорація, отвѣтственная за своихъ членовъ. Ясно, что царь и въ этомъ случаѣ былъ кругомъ обманутъ. Онъ не могъ сознательно возвѣщать во всенародномъ манифестѣ то, что явно противорѣчило фактамъ. Ему это было внушено, и онъ повѣрилъ.

Въ дворянскомъ духѣ были преобразованы и земскія учрежденія. По уставу Александра II, въ избирательномъ съѣздѣ личныхъ землевладѣльцевъ соединялись люди, принадлежавшіе къ разнымъ сословіямъ, и это было вполнѣ цѣлесообразно, ибо именно тутъ интересы были общіе. На практикѣ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, дворянство имѣло въ собраніяхъ значительный перевѣсъ; но так какъ оно не выдѣлялось никакими особенными привилегіями, то это не возбуждало неудовольствія, а содѣйствовало сближенію сословій. Дворянство, въ силу

фактическаго превосходства, естественно становилось въ ихъ главѣ. Теперь эта вполнѣ цѣлесообразная организація была разрушена, и притомъ опять безъ малѣйшаго практическаго повода. Всѣ личные землевладѣльцы, принадлежавшіе къ другимъ сословіямъ, были отдѣлены отъ дворянъ и образовали особые избирательные съѣзды, съ весьма ограниченнымъ числомъ представителей. Гдѣ требовалось сближеніе во имя общихъ интересовъ, поселялась рознь. Дворянство черезъ это ровно ничего не выиграло, но противъ него возбудилось неудовольствіе другихъ сословій, которыя чувствовали себя обиженными.

Еще худшая участь постигла крестьянское представительство. Не только оно было значительно сокращено, но губернатору предоставлено было право изъ числа выбранныхъ волостями кандидатовъ назначать гласныхъ по своему усмотрѣнію. Въ самомъ собраніи эти мнимые представители крестьянскаго сословія лишены были всякой независимости, ибо вмѣстѣ съ ними засѣдали земскіе начальники, которые могли каждаго изъ нихъ оштрафовать и посадить подъ арестъ по своему произволу, безъ всякой отвѣтственности. Послѣдніе становились такимъ образомъ распоря-

дителями крестьянскихъ голосовъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и значительной части рѣшеній собранія. Можно сказать, что это было полное искаженіе земскихъ учрежденій, которое завершилось еще тѣмъ, что эти преобразованныя въ мнимо дворянскомъ духѣ учрежденія были поставлены подъ ближайшую опеку бюрократической власти. Если, не смотря на все это, они сохранили еще нѣкоторую силу и значеніе, то они обязаны этимъ тому благородному духу, который успѣлъ вкорениться въ нихъ въ прежнее время, и тому вліянію, которое сохранила въ нихъ лучшая часть мѣстнаго дворянства.

Люди, стоявшіе во главѣ реакціи, понимали однако, что такого рода мнимыми привилегіями, прикрывающими умаленіе правъ и усиленіе бюрократической опеки, трудно было привлечь къ себѣ дворянство. Рѣшились задобрить его денежными выгодами. Съ этою цѣлью учрежденъ былъ Дворянскій Банкъ, который выдавалъ ссуды по крайне низкимъ процентамъ, при чемъ относительно самой уплаты процентовъ дѣлались всевозможныя льготы. Разоряющіеся дворяне просіяли. Со всѣхъ сторонъ посыпались благодарственные адресы за эти расточаемыя сверху благодѣянія. Возбужденные ими аппетиты разы-

грались; одинъ безумнѣе другаго возникали проекты для возстановленія павшаго и униженнаго дворянскаго сословія. Казалось, открывалась новая дворянская эра, сулившая безконечныя блага. Лучшіе представители дворянства съ грустью смотрѣли на эту смѣсь раболѣпства и корысти, которая обнаруживала нравственное разложеніе сословія. Но они безсильны были остановить зло, которое, при поддержкѣ правительства, распространялось все шире и шире.

Однако и матеріальные результаты оказались призрачные. Если правительство одною рукою бросало дворянству грошевыя подачки, то другою рукой оно воздвигало систему, которая вела его къ конечному разоренію. Министерство финансовъ задумало утвердить благосостояніе Россіи на развитіи крупной промышленности. Съ этою цѣлью введена была покровительственная система въ самыхъ преувеличенныхъ размѣрахъ. Но именно земледѣлія она не касалась. Въ другихъ государствахъ европейскаго материка возродившееся покровительство вызывается прежде всего тяжелымъ положеніемъ земледѣлія, которое, при удешевленіи средствъ перевозки, страдаетъ отъ соперничества непочатыхъ еще странъ. Но къ условіямъ русскаго земледѣлія это не приложимо,

ибо у насъ земледѣльческіе продукты составляютъ предметъ не ввоза, а вывоза. Покровительство оказывается не тому, что земледѣлецъ продаетъ, а тому, что онъ покупаетъ. Все, ему нужное, онъ долженъ оплачивать вдвое и втрое. Съ него взимаются не только таможенныя пошлины, идущія въ пользу государства, но и доходы заводчиковъ и фабрикантовъ. Величина этихъ доходовъ можетъ измѣриться тѣмъ, что, напримѣръ, на сахарныхъ заводахъ, съ помощью искусственнаго покровительства, составились состоянія, которыя считаются десятками милліоновъ. Разоряющаяся отрасль, находящаяся въ самыхъ невыгодныхъ условіяхъ, облагалась непомѣрно въ пользу отраслей процвѣтающихъ. Министерство финансовъ не хотѣло знать, что Россія, по своимъ природнымъ условіямъ, есть преимущественно земледѣльческая страна, и что поэтому именно эта отрасль требуетъ особеннаго вниманія и бережнаго къ ней отношенія. Земледѣліе не находится въ его вѣдѣніи, между тѣмъ какъ для заводской и фабричной промышленности имѣются въ немъ особые департаменты. А потому имъ оказываются всевозможныя льготы; имъ дается право, съ помощью покровительственныхъ пошлинъ, обирать разоренныхъ сель-

чанъ. Для ихъ выгодъ затѣяна была съ Германіей таможенная война, которая нанесла самый тяжелый ударъ русскому земледѣлію. А съ другой стороны, между тѣмъ какъ помѣщиковъ и крестьянъ заставляли втридорога покупать все, что имъ нужно, ихъ собственныя произведенія искусственнымъ образомъ удешевлялись проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ въ непочатыя степи Востока и дифференціальными тарифами, которые, уничтожая невыгоду разстояній, не допускали поднятія цѣнъ при благопріятныхъ условіяхъ. На средства казны, то есть, въ значителной степени на подати, платимыя тѣми же кругомъ обираемыми земледѣльцами, пролагались дороги за Уралъ и въ Сибирь, которыя служили къ ихъ же разоренію. Съ одной стороны, они принуждены были все покупать дороже, съ другой стороны имъ приходилось все продавать дешевле. Немудрено, что при такихъ условіяхъ обѣднѣніе шло возрастая. Грошевые подарки правительства были только каплей въ морѣ для русскаго землевладѣнія, которое чувствовало себя въ безвыходномъ положеніи. Поэтому, не смотря на возвѣщеніе новой эры, жалобы продолжались съ прежнею силой, и проекты для возстановленія дворянства становились все безобразнѣе и нелѣпѣе.

Но еще хуже было положеніе крестьянства. Къ неблагопріятнымъ экономическимъ условіямъ присоединялось полное неустройство внутренняго быта. Положеніе 19-го Февраля, установивъ основныя правила, опредѣлявшія переходъ отъ крѣпостнаго состоянія въ свободное, предоставило внутреннее устройство крестьянскаго быта дальнѣйшему развитію законодательства и жизни. Но наступившая затѣмъ реакція, которой вся государственная мудрость ограничивалась принятіемъ полицейскихъ мѣръ, оставила эти вопросы нетронутыми. А такъ какъ жизнь настойчиво требовала ихъ разрѣшенія, то здѣсь водворилась полная безурядица. Крестьяне не знаютъ, каковы ихъ права и что имъ принадлежитъ. Столкновенія происходятъ на каждомъ шагу и разрѣшаются совершенно случайно. Общинное владѣніе, сохраненное въ великороссійскихъ губерніяхъ, составляетъ преграду всякому гражданскому и экономическому развитію. Признаніемъ права выкупа за каждымъ отдѣльнымъ членомъ общины Положеніе 19 Февраля давало изъ него постепенный и правильный выходъ; но именно этотъ выходъ былъ запертъ реакціоннымъ правительствомъ, которое воспретило выкупъ безъ согласія міра и объявило надѣльную землю неот-

чуждаемою. Вмѣсто свободнаго распоряженія своимъ лицемъ и имуществомъ, которое имѣлось въ виду Положеніемъ 19 Февраля, крестьяне, какъ отдѣльное сословіе, были вновь закрѣпощены въ свой особый маленькій мірокъ, съ полной неопредѣленностью правъ. Всѣ понятія о собственности у нихъ перепутались. Тѣ, которые въ теченіи тридцати лѣтъ выкупали свой надѣлъ, при передѣлѣ по наличнымъ душамъ лишались своей земли въ пользу другихъ. Водворенію соціалистическихъ началъ данъ былъ полный просторъ. Правительство возвращалось къ воззрѣніямъ крѣпостнаго права, послѣ того какъ крестьяне объявлены были свободными. Въ чемъ состоятъ условія свободы и что она за собою влечетъ, объ этомъ въ правительственныхъ сферахъ имѣли столь же мало понятія, какъ и о томъ, что прочность права собственности составляетъ краеугольный камень всякаго благоустроеннаго гражданскаго быта. При такихъ порядкахъ, конечно, объ увеличеніи благосостоянія не могло быть рѣчи. Народонаселеніе росло, земля истощалась, а накопленіе капитала, которое, при правильномъ экономическомъ развитіи, должно съ избыткомъ восполнять проистекающій отсюда недостатокъ, не только не шло въ уровень съ

потребностями, а, можно сказать, почти совершенно отсутствовало. Результатомъ этого процесса было обѣднѣніе крестьянства, которое выразилось наконецъ въ самыхъ рѣзкихъ формахъ въ слѣдовавшіе другъ за другомъ, на недалекомъ разстояніи, голодные года. Между тѣмъ какъ тридцать лѣтъ тому назадъ продовольственные капиталы земства лежали нетронуты, и нѣкоторыя собранія даже ходатайствовали о томъ, чтобы дать имъ болѣе производительное употребленіе, въ настоящее время всѣ эти капиталы исчезли, и правительство принуждено тратить сотни милліоновъ на прокормленіе голодающаго населенія. И къ этимъ сотнямъ присоединяются еще многіе милліоны, пожертвованные частными людьми, и все таки это оказывается недостаточнымъ для устраненія самыхъ вопіющихъ явленій голоднаго тифа и повальной цынги, охватывающихъ обширныя губерніи и уносящихъ цѣлые слои обнищавшаго населенія. И это происходитъ при громадномъ развитіи путей сообщенія, когда, казалось бы, помощь могла бы легко получаться отовсюду. Если, при всякомъ недородѣ, правительство принуждено кормить населеніе, то послѣднее, очевидно, находится на краю нищеты. Это фактъ явный, котораго

не могутъ устранить никакіе статистическіе софизмы.

Россія на порогѣ двадцатаго столѣтія представляетъ въ матеріальномъ отношеніи странное явленіе. Финансы ея находятся въ болѣе блестящемъ положеніи, нежели когда либо. Кассы ея наполнены золотомъ; доходы постоянно представляютъ значительный избытокъ надъ расходами. Послѣ многихъ лѣтъ бумажнаго хозяйства, удалось наконецъ, съ помощью фиксированія курса, ввести въ страну металлическое денежное обращеніе. Правительство сосредоточило въ своихъ рукахъ громадную сѣть желѣзныхъ дорогъ; всѣ потребности государства оно покрываетъ, не скупясь. Но, съ другой стороны, долги въ короткій срокъ, во времена полнаго мира, возросли болѣе, чѣмъ на милліардъ рублей; на будущія поколѣнія наложены страшныя тягости; землевладѣльцы обременены неносильными долгами, а коренное населеніе голодаетъ. Очевидно, денежныя средства правительства пріобрѣтены въ ущербъ производительнымъ силамъ народа. Это невольно напоминаетъ изреченіе знаменитаго французскаго публициста: „когда дикіе народы хотятъ собрать плоды съ дерева, они губятъ дерево и срываютъ плодъ;

таково изображеніе деспотизма.“ Правительство, которое можетъ налагать на народъ всякія тяготи, не спрашиваясь никого, всегда рискуетъ подорвать его платежныя силы и тѣмъ самымъ поразить основы народнаго благосостоянія.

Но каково бы ни было матеріальное положеніе русскаго народа, онъ, въ концѣ концовъ, изъ него выйдетъ, когда съ него будутъ сняты опутывающія его узы, ибо это народъ смышленый и трудолюбивый. Несравненно хуже то нравственное зло, которое, подъ вліяніемъ близорукой реакціи, разъѣдало несчастную русскую землю, проникая во всѣ сферы, отравляя лучшія ея силы и искажая великія, совершенныя въ ней преобразованія.

Изъ всѣхъ созданій эпохи реформъ одни общіе суды формально остались нетронутыми; но въ нихъ вселялся новый духъ, совершенно противоположный тому безкорыстному и благородному стремленію къ правдѣ, которое одушевляло ихъ въ первыя времена. Всемогущему правительству не трудно искоренить въ судахъ всякую тѣнь независимости, сохранивъ отъ нея одну внѣшнюю форму. Достаточно производить нужное давленіе, назначать и повышать людей, угождающихъ власти, дѣйствовать развращающею

приманкою наградъ, а независимымъ людямъ высказывать суровое нерасположеніе начальства, и можно быть увѣреннымъ, что суды превратятся мало-по-малу въ послушныхъ клевретовъ правительства. Эту роль взялъ на себя министръ юстиціи Манассеинъ, посаженный на это мѣсто своимъ школьнымъ товарищемъ, оберъ-прокуроромъ Св. Синода, Побѣдоносцевымъ. Крутой и властолюбивый, чуждый всякихъ нравственныхъ побужденій и неразборчивый на средства, а съ тѣмъ вмѣстѣ покорный слуга своего патрона, онъ сдѣлалъ то, что суды, созданные для того, чтобы быть гарантіею гражданъ, обратились въ орудія религіознаго гоненія. Цѣлый рядъ процессовъ показалъ, что судьи позволяли себѣ самое вопіющее пристрастіе, самыя явныя нарушенія закона. Нѣкоторыя изъ этихъ дѣлъ были кассированы Сенатомъ, но наконецъ и Сенатъ, болѣе и болѣе наполняемый креатурами реакціоннаго правительства, послѣдовалъ тому же теченію. Недавно насажденное правосудіе грозитъ снова исчезнуть съ лица русской земли.

Религіозное гоненіе было естественнымъ спутникомъ реакціи. Главнымъ двигателемъ его былъ оберъ-прокуроръ Св. Синода. Въ началѣ царствованія Александра III, когда, послѣ страшнаго

событія 1 марта, всѣ трепетали за жизнь царя, роскольниковъ старались приманить нѣкоторыми льготами. Но какъ скоро правительство почувствовало свою силу, гоненія начались. Первою жертвою ихъ сдѣлалась штундисты. Эта секта, близкая къ протестантскимъ методистамъ, сильно распространялась на Югѣ. Не удовлетворенные формализмомъ господствующей церкви, многіе, даже изъ низшихъ классовъ, охваченные религіозною жаждой, собирались для молитвъ и для чтенія Св. Писанія. Они были признаны опасными для государства и причислены къ особенно вреднымъ сектамъ. Собранія ихъ были воспрещены; противъ нихъ принимались самыя строгія полицейскія мѣры, суды карали ихъ немилосердно.

Еще худшая участь постигла духоборцевъ. Эти сектанты давно были выселены въ Закавказскій край, гдѣ они достигли цвѣтущаго положенія. Въ Восточную войну они выказали самый искренній патріотизмъ и оказали отечеству значительныя услуги. Внутренніе раздоры, поддержанные правительствомъ, повели къ тому, что секта раскололась, и большая часть ея, подъ вліяніемъ фанатической проповѣди, отказалась исполнять военную службу. Примѣры людей, считающихъ военную службу за грѣхъ, не новы.

Обыкновенно ихъ нравственному чувству, хотя и ложно направленному, оказывается уваженіе: военная повинность замѣняется другими. Такъ было поступлено и въ Россіи въ отношеніи къ меннонитамъ. Но съ духоборцами расправились иначе. Предводителей движенія сослали въ самую глубь Сибири, гдѣ они, вмѣстѣ съ политическими ссыльными, должны были жить въ самыхъ ужасающихъ условіяхъ. Остальные же были выселены въ совершенно безплодный край, гдѣ имъ не дали даже земли. Они принуждены были искать себѣ пропитанія поденнымъ трудомъ, котораго притомъ часто нельзя было добыть, такъ что они не только въ конецъ разорились, но были обречены на постоянный голодъ. Между ними распространились страшныя болѣзни; многіе отъ истощенія ослѣпли. Нѣкоторые изъ поклонниковъ извѣстнаго писателя, графа Л. Н. Толстого, отправились на мѣста, чтобы лично убѣдиться въ положеніи вещей. Они вернулись съ ужасающими разсказами о томъ, что они тамъ видѣли. Графъ Толстой сталъ собирать частную подписку въ пользу духоборцевъ; эти разсказы проникли и въ журналы. Результатъ былъ тотъ, что журналамъ, осмѣлившимся говорить объ этомъ дѣлѣ, дали предостереженія, а Толстовцевъ,

виновныхъ въ человѣколюбивомъ собираніи свѣдѣній и денегъ, выслали изъ Россіи. Самого Толстого однако не рѣшились тронуть; это былъ бы скандалъ на весь міръ. Изъ опасенія скандала разрѣшено было самимъ духоборцамъ выселиться изъ Россіи. Графъ Толстой собралъ для этого деньги, и нѣсколько тысячъ сильнаго и рабочаго русскаго населенія были перевезены въ Канаду, гдѣ ихъ приняли съ радостью; имъ дали земли и пособія. Тамъ ихъ не считаютъ опасными для государства. Это выселеніе произошло уже въ настоящее царствованіе.

Религіозное гоненіе постигло не однихъ отщепенцевъ отъ православія; оно коснулось и признанныхъ вѣроисповѣданій, давно имѣющихъ въ Россіи право гражданства. Евреи издавна подвергаются у насъ значительнымъ стѣсненіямъ. За исключеніемъ особо поименованныхъ разрядовъ, имъ воспрещено жительство въ великороссійскихъ губерніяхъ. Въ царствованіе Александра III, при министерствѣ графа Игнатьева, эти стѣсненія были еще усилены. Даже въ мѣстахъ жительства имъ воспрещены покупка и арендованіе земель. Поступленіе ихъ въ высшія и среднія учебныя заведенія было ограничено извѣстнымъ процентомъ. Несчастныхъ старались

стѣснить всѣми мѣрами, нигдѣ не давать имъ выхода. И все это опять совершалось безъ всякаго повода. На нихъ, послабленіемъ полиціи, напускались шайки грабителей, а потомъ ихъ же за это подвергали карѣ. Правительство играло на самыхъ низменныхъ страстяхъ русскаго населенія, потакая затаенной въ немъ непріязни къ Евреямъ. Это чувство распространено во многихъ странахъ, даже весьма образованныхъ; въ Евреяхъ видятъ не только чужеродцевъ и иновѣрцевъ, но и опасныхъ конкуррентовъ. Однако, всякій, кто живалъ въ Малороссіи, знаетъ, что народъ сживается съ ними очень хорошо и отъ присутствія ихъ не бѣднѣетъ, а напротивъ, пользуется бóльшимъ благосостояніемъ, нежели тамъ, гдѣ этихъ такъ называемыхъ паразитовъ нѣтъ. Безпристрастные помѣщики и даже духовныя лица признаютъ пользу, приносимую краю этимъ дѣятельнымъ и торговымъ племенемъ. Вредъ происходитъ главнымъ образомъ отъ ихъ скученности и отъ окружающихъ ихъ стѣсненій, которыя заставляютъ ихъ прибѣгать ко всякимъ средствамъ, чтобы добыть себѣ скудное пропитаніе. Но въ такомъ случаѣ единственная раціональня мѣра состоитъ въ дозволеніи имъ селиться, гдѣ угодно,

и заниматься, чѣмъ угодно. Это — единственный порядокъ, совмѣстный съ общественнымъ строемъ, въ которомъ признаны начала гражданской свободы. А между тѣмъ, при господствѣ реакціи, всѣ прежнія льготы и послабленія были отмѣнены. Русскія власти дошли до того, что Евреямъ воспрещено ѣздить лѣчиться на Кавказскія воды, подъ тѣмъ предлогомъ, что Кавказъ не принадлежитъ къ области ихъ осѣдлости.

Но нигдѣ эти гоненія не приняли такихъ возмутительныхъ размѣровъ, какъ въ самомъ центрѣ Россіи — въ Москвѣ. Здѣсь старый генералъ-губернаторъ, князь Долгоруковъ, привыкшій къ мягкимъ пріемамъ Александра II, можетъ быть и не безъ личнаго интереса, много лѣтъ смотрѣлъ сквозь пальцы на поселеніе въ Москвѣ массы Евреевъ, не имѣвшихъ на то формальнаго права. Наконецъ, это обнаружилось. Его за это смѣнили, и на мѣсто его назначенъ былъ В. Князь Сергѣй Александровичъ. Но передъ этимъ произведено было повальное изгнаніе Евреевъ изъ Москвы. Сотни семействъ, давно въ ней поселенныхъ и занимавшихся самыми невинными промыслами, были высланы на мѣста жительства. Ремесленники, коммиссіонеры, торговцы старинными вещами, ученицы консер-

ваторіи, добывавшія себѣ хлѣбъ уроками музыки, подверглись безпощадному изгнанію. Имъ не давали даже срока для устройства своихъ дѣлъ; Москва должна была быть немедленно очищена для прибытія Августѣйшаго ея начальника. Вопль поднялся отовсюду; но на жалобы не обращали ни малѣйшаго вниманія. Началась усиленная эмиграція Евреевъ изъ Россіи. Правительство Соединенныхъ Штатовъ, изумленное внезапнымъ ихъ наплывомъ, прислало коммисаровъ, чтобъ освѣдомиться на мѣстѣ о положеніи дѣлъ. Они представили Конгрессу вопіющія картины бѣдствія и нищеты, которыя были послѣдствіемъ принятыхъ русскимъ правительствомъ мѣръ. Знаменитый англійскій историкъ Лекки, въ своей книгѣ о *Демократіи*, выставилъ ихъ въ полномъ свѣтѣ и заклеймилъ позоромъ это возмутительнѣйшее явленіе въ русской жизни XIX столѣтія. Это были не клеветы иностранцевъ, не знающихъ нашихъ условій и нашего быта; то была чистая и голая правда. Но ко всему этому русское правительство осталось совершенно равнодушнымъ. Послѣдняя сдержка, стыдъ передъ мнѣніемъ образованной Европы, исчезла. Для Москвы это имѣло то послѣдствіе, что завязавшіяся, съ помощью еврейскихъ

коммиссіонеровъ, связи между московскими фабрикантами и Малороссіей, замѣнились связью между Малороссіей и Лодзью. Десятки милліоновъ были такимъ образомъ потеряны для Москвы. Столица очистилась отъ еврейскихъ ростовщиковъ; но остались русскіе, которые, не опасаясь уже конкурренціи, стали взимать вдвое большіе проценты.

Не менѣе тяжела была судьба польскихъ уніатовъ. Здѣсь гоненіе началось еще въ реакціонную пору царствованія Александра II; оно было слѣдствіемъ чиновничьяго подлога. Литовскіе уніаты, какъ извѣстно, были присоединены къ православію еще въ царствованіе Николая I, дѣятельностью уніатскаго епископа Симашки, который выдалъ свою паству русскому правительству. Но въ двухъ губерніяхъ Царства Польскаго, Холмской и Сѣдлецкой, населенныхъ русскимъ племенемъ, унія сохранилась. Въ Холмской епархіи епископъ Поппель послѣдовалъ примѣру Симашки, и уніаты были присоединены къ православію безъ всякаго насилія. Но иначе обошлось дѣло въ Сѣдлецкой губерніи. Здѣсь губернаторомъ былъ Громека, нѣкогда либеральный писатель. Видя успѣхъ дѣйствій Поппеля, онъ вознамѣрился

учинить присоединеніе уніатовъ къ православію давленіемъ гражданской власти и тѣмъ подслужиться къ правительству. Съ этою цѣлью собраны были депутаты отъ разныхъ общинъ; имъ представленъ былъ для подписи адресъ, въ которомъ, въ совершенно туманныхъ выраженіяхъ, говорилось, между прочимъ, что они одной вѣры съ царемъ. Это было представлено въ Петербургъ, какъ выраженіе желанія населенія присоединиться къ православію. Актомъ Св. Синода присоединеніе было учинено. Когда это было объявлено населенію, оно пришло въ изумленіе и заявило, что никогда подобнаго порученія оно своимъ депутатамъ не давало, и сами депутаты не думали подписывать ничего подобнаго. Жалобы пошли въ Петербургъ; велѣно было нарядить слѣдствіе. Но бюрократія распорядилась по своему. Всякими мѣрами было собрано по общинамъ нѣкоторое число подписей, и это было представлено, какъ выраженіе согласія этихъ общинъ на присоединеніе къ русской церкви. Тогда все это населеніе, согласные и несогласные, подписавшіеся и не подписавшіеся, было окончательно объявлено православнымъ. Это былъ явный подлогъ. Тутъ же уніатскіе храмы были обращены въ православные. Когда изъ нихъ

стали выносить органы, народъ этому воспротивился, и дѣло дошло до кровопролитія. Многія тысячи населенія продолжали упорствовать въ уніи. Они знать не хотѣли православныхъ священниковъ, и всѣ свои требы, браки, крещеніе дѣтей, совершали у католическихъ ксендзовъ или у уніатскихъ священниковъ, призываемыхъ тайно изъ Галиціи. За это ихъ преслѣдовали и сажали въ тюрьму; священниковъ ловили, заточали или ссылали во внутреннія губерніи. Во все царствованіе Александра III продолжалось это возмутительное гоненіе. Сотни людей томились въ темницахъ; тысячи лишены были всякаго религіознаго утѣшенія. Даже по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, всегда умаляющимъ истину, болѣе 70 000 человѣкъ донынѣ упорствуютъ въ своемъ отчужденіи отъ господствующей церкви.

Тоже самое было и въ Остзейскомъ краѣ. И тутъ, разнаго рода приманками, часть латышскаго населенія была нѣкогда привлечена къ православію; но затѣмъ она оказалась упорно преданною своему старому лютеранскому исповѣданію. Новообращенные Латыши и ихъ потомки не хотѣли имѣть дѣла съ православными священниками; для совершенія таинствъ они прибѣгали къ своимъ прежнимъ лютеранскимъ па-

сторамъ, которые были поставлены въ самое трудное положеніе между священными обязанностями передъ Богомъ и передъ совѣстью и оффиціальнымъ закономъ, воспрещавшимъ совершеніе требъ надъ людьми, формально причисленными къ другой вѣрѣ. Въ мягкое и гуманное царствованіе Александра II на это смотрѣли сквозь пальцы. Разрѣшено было даже при смѣшанныхъ бракахъ крестить дѣтей по волѣ родителей, ибо въ чисто лютеранскомъ краѣ православная церковь все-таки признавалась господствующею и въ этомъ отношеніи пользовалась привилегіею. При Александрѣ III это согласное съ свободою совѣсти разрѣшеніе было отмѣнено, а противъ пасторовъ, совершающихъ незаконныя требы, возбуждено преслѣдованіе. Болѣе шестидесяти пасторовъ, свято исполнявшихъ свои религіозныя обязанности, были такимъ образомъ преданы суду, отрѣшены отъ должности и сосланы во внутреннія губерніи. Латыши, формально причисленные къ православію, были лишены всякой христіанской помощи.

И послѣ всего этого, оберъ-прокуроръ Св. Синода имѣлъ смѣлость, передъ лицемъ всего міра, утверждать, что у насъ существуетъ свобода совѣсти! Въ Сводѣ Законовъ она значится,

но это не болѣе какъ мертвая буква, съ которою дѣйствительность находится въ вопіющемъ противорѣчіи.

Но не одно религіозное гоненіе постигло Остзейскій край. Русское правительство принялось за его обрусеніе. Это была давнишняя мечта славянофиловъ. Ярый противникъ Нѣмцевъ, Юрій Самаринъ, издалъ за границею свои *Окраины Россіи,* въ которыхъ онъ злобно нападалъ на всѣ порядки въ Остзейскихъ губерніяхъ. Можно сказать, что это былъ одинъ изъ самыхъ крупныхъ грѣховъ этого даровитаго и благороднаго ума. Вся узкость и нетерпимость славянофильства, преувеличенная оцѣнка своего и непониманіе чужаго, сказались здѣсь вполнѣ. Вытекающія изъ ихъ исторіи особенности остзейскихъ Нѣмцевъ, трудное ихъ положеніе между самовластнымъ русскимъ правительствомъ и иноплеменнымъ населеніемъ, ихъ заботливое охраненіе корпоративныхъ учрежденій, хотя во многомъ устарѣлыхъ, но ограждавшихъ прочность и преемственность права, все это для русскаго публициста было только предметомъ ядовитыхъ нападковъ. При томъ низменномъ уровнѣ, на который спустилось русское патріотическое чувство послѣ проповѣди Каткова, эти обличенія

жадно воспринимались русскимъ обществомъ, а наконецъ и правительство поддалось этому направленію.

Доселѣ русскіе монархи весьма бережно относились къ остзейскимъ порядкамъ. Остзейскій край былъ присоединенъ къ Россіи съ обѣщаніемъ сохранить всѣ его особенности и права. Съ тѣхъ поръ Остзейцы вѣрно служили престолу. Они проливали свою кровь за Россію, и многіе изъ нихъ оказали ей значительныя услуги. Нѣмецкая культурность и аккуратность были полезнымъ элементомъ и въ русской администраціи и въ общественной жизни. Въ преданности Нѣмцевъ нельзя было сомнѣваться, а потому даже такіе суровые деспоты, какъ Николай I, не трогали ихъ порядковъ и ихъ привилегій. За свои *Рижскія Письма,* писанныя еще въ сороковыхъ годахъ, Юрій Самаринъ былъ посаженъ подъ арестъ. Тоже направленіе продолжалось и при Александрѣ II. Безъ сомнѣнія, многое въ Остзейскомъ краѣ требовало улучшенія, особенно послѣ того какъ въ Россіи были произведены либеральныя реформы. Освобожденіе крестьянъ было совершено тамъ еще въ началѣ столѣтія, съ согласія дворянства; но надобно было упорядочить эти отношенія, дать

большія гарантіи низшему населенію. Не подводя Остзейскія губерніи къ одному уровню съ остальною Россіей, можно было бережно и осторожно измѣнять устарѣвшія учрежденія, примѣняясь къ особенностямъ края, къ установившимся въ немъ взглядамъ и привычкамъ, и обращая должное вниманіе на связанные съ этими порядками интересы. Вмѣсто того, русское правительство, съ своими обычными медвѣжьими пріемами, принялось за ломку всего существующаго. Въ то время какъ оно въ Россіи уничтожило мировые суды, оно ввело ихъ въ Остзейскихъ губерніяхъ, только съ назначеніемъ отъ правительства, то есть, безъ всякой связи съ краемъ и безъ всякой самостоятельности. Главное же, оно стало всюду вводить русскій языкъ, не только въ оффиціальныхъ актахъ, но и въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Нѣмецкій языкъ изгонялся даже изъ заведеній, учрежденныхъ и содержимыхъ на счетъ нѣмецкаго дворянства. И эта ломка производилась нерѣдко просто административными распоряженіями, не прибѣгая къ сложному и медленному законодательному пути. Въ Остзейскій край посылались губернаторы, не знавшіе нѣмецкаго

языка, и имъ говорили: „вы дѣйствуйте, а мы васъ будемъ поддерживать.“

Результатомъ этой политики было возбужденіе всеобщаго неудовольствія, а вмѣстѣ полный разгромъ всего весьма высоко стоявшаго учебнаго дѣла. Въ этомъ отношеніи Остзейскій край доселѣ составлялъ въ Россіи счастливое исключеніе. Это была единственная мѣстность, въ которой нѣмецкіе педагогическіе пріемы и культурныя понятія успѣли противостоять даже бюрократической тупости нашей учебной администраціи и произведеннымъ ею реформамъ. Теперь все это было разомъ уничтожено и низведено къ общему уровню всероссійскихъ учебныхъ заведеній. Въ гимназіяхъ учителя, отъ которыхъ требовали, чтобъ они преподавали по русски, массами выходили въ отставку. Дерптскій университетъ, нѣкогда стоявшій столь высоко, благодаря своей связи съ Германіей, давшій наукѣ первоклассныхъ дѣятелей, Россіи Пирогова и Грубе, Европѣ Бергмана и другихъ, превратился въ мѣсто, куда стали ссылать всѣхъ тѣхъ, кто по неспособности не могъ попасть въ другіе университеты. Число студентовъ въ немъ значительно сократилось; преподаваніе, за не-

многими исключеніями, низошло къ весьма невысокому уровню. Нѣкогда Катковъ, когда умъ его не былъ еще совершенно отуманенъ патріотическимъ задоромъ, говорилъ, что обрусеніе Дерптскаго университета было бы преступленіемъ противъ просвѣщенія. Это преступленіе было совершено.

До чего доходило стремленіе къ обрусенію, можно видѣть изъ того, что нѣмецкихъ докторовъ предавали суду за то, что они на своихъ дверяхъ вывѣшивали объявленія паціентамъ на нѣмецкомъ языкѣ. И введенные Манассеинымъ мировые суды налагали на нихъ штрафы, не въ силу закона, ибо таковаго не было, а на томъ основаніи, что Государю Императору угодно, чтобы русскій языкъ былъ господствующимъ въ краѣ. Однако Сенатъ кассировалъ эти гнусныя рѣшенія.

Не лучше было положеніе и въ чисто русскихъ губерніяхъ. Тринадцать лѣтъ протекло отъ мученической кончины Александра II до смерти Александра III; никакихъ въ этотъ промежутокъ не было ни смутъ, ни покушеній; а между тѣмъ, значительная часть Россіи и въ особенности столицы состояли подъ усиленною охраной. Власти требовали продолженія ея изъ

года въ годъ, увѣряя, что безъ этого онѣ не могутъ управлять. Кавуръ говорилъ, что всякій болванъ можетъ управлять съ осаднымъ положеніемъ. Русскіе правители хотѣли оправдать это изреченіе, не понимая, что въ ихъ требованіяхъ усиленныхъ полномочій заключается сознаніе своей глупости. И эти чрезвычайныя права, установленныя для преслѣдованія политическихъ заговорщиковъ, прилагались ко всему на свѣтѣ: къ извощикамъ, къ дворникамъ, къ мостовымъ. Ссылаясь на положеніе объ усиленной охранѣ, начальники губерній налагали на домовладѣльцевъ совершенно произвольные штрафы; издавались правила для экипажей; закрывались торговые ряды и лавки; требовалось извѣстное устройство мостовыхъ. То, что по закону предоставлялось городскимъ думамъ, было, въ силу безобразнаго толкованія полномочій, перенесено на полицію, которой произволъ не зналъ границъ. Въ Москвѣ, беззаконные штрафы, налагаемые оберъ-полицеймейстеромъ на извощиковъ, въ одинъ годъ превзошли 100 000 рублей. Самая организація полиціи сдѣлалась крайне сложною и пустила многочисленныя развѣтвленія. Прежнія явная и тайная полиція были сохранены; но рядомъ съ обыкновенною тайною полиціей,

представляемой жандармскимъ управленіемъ. учреждена была особая тайная полиція подъ именемъ охраны, которая частью находилась въ вѣдѣніи явной полиціи, частью же непосредственно сносилась съ министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ и дѣйствовала невѣдомымъ путемъ, на основаніи невѣдомыхъ инструкцій. Въ сравненіи съ нею, самое жандармское управленіе являлось подобіемъ какого-то законнаго порядка. Вся эта крайне спутанная организація вела лишь къ тому, что всякій, облеченный властью, имѣлъ право человѣка схватить и сослать безъ разбора, и на это не было ни суда, ни расправы. Административныя ссылки умножались въ ужасающихъ размѣрахъ. Онѣ прилагались не только къ политически неблагонадежнымъ людямъ, понятіе, которое уже само по себѣ открывало возможность самаго широкаго произвола, но и вообще ко всякому лицу, по чему либо неугодившему начальству или просто повздорившему съ полиціей. Въ управленіе князя Долгорукова въ Москвѣ были вопіющіе примѣры такого злоупотребленія полномочіями изъ чисто личныхъ цѣлей. Но и въ провинціи это практиковалось безнаказанно.

И на все это приниженное русское общество

смотрѣло съ какимъ-то тупымъ равнодушіемъ. Никто не дерзалъ открыть рта изъ опасенія неминуемой кары. За всякое сколько нибудь независимое слово человѣкъ немедленно подвергался опалѣ и нигдѣ не встрѣчалъ поддержки. Благородныя стремленія эпохи преобразованій какъ будто отошли въ туманную даль. Общество привыкало видѣть въ этихъ ежедневныхъ, изъ года въ годъ повторяющихся явленіяхъ естественный и нормальный порядокъ вещей.

Журналистика, разумѣется, не смѣла пикнуть. Самые видные ея представители, которыхъ властвующая бюрократія еще нѣсколько боялась, сошли въ могилу: Катковъ, который вслѣдствіе своего вліянія при дворѣ, былъ грозою министровъ; Аксаковъ, который свой блестящій талантъ и свою благородную натуру употребилъ на пустозвонную проповѣдь славянофильства, способную только внести еще бо́льшую смуту въ сбитые съ толку умы. Послѣ нихъ остались посредственности, съ которыми нечего было церемониться. Цензура не была возстановлена; но система предостереженій вполнѣ достигала цѣли. Негласными распоряженіями редакторамъ воспрещалось говорить о самыхъ животрепещущихъ вопросахъ, а кто осмѣливался

преступить запретъ, подвергался немедленной карѣ. Всѣ журналы съ сколько нибудь либеральнымъ направленіемъ висѣли на волоскѣ, а холопствующей ватагѣ поклонниковъ реакціи давался полный просторъ. Они могли на своемъ раболѣпномъ жаргонѣ прославлять правительство на всѣ лады, восхвалять всѣ его самыя вопіющія мѣры, видѣть въ немъ спасителя отечества. Болѣе или менѣе значительною свободой пользовались и соціалисты. Либерализмъ казался правительству опаснымъ; но соціализмъ, пока онъ являлся въ теоретической формѣ, представлялся безвреднымъ. Вслѣдствіе этого, ученіе Маркса, въ книгахъ и брошюрахъ, именно въ это время получило самое широкое распространеніе, особенно среди учащейся молодежи. Только среднее, умѣренно либеральное направленіе оставалось въ накладѣ. Въ журналистикѣ оно не имѣло органа, а книги, кромѣ самыхъ задорныхъ, у насъ давно перестали читать.

Отсюда, и въ литературѣ и въ обществѣ, преобладаніе крайнихъ направленій, изъ которыхъ одно, нагло выставляясь на показъ, теряло однако болѣе и болѣе подъ собою почву, а другое, скрываясь подъ личиной теоретическихъ изысканій и любви къ народу, въ тайнѣ овладѣвало

неопытными умами. Это явленіе повторяется во многихъ странахъ и при разныхъ условіяхъ, но оно всегда служитъ признакомъ ненормальнаго положенія вещей. Это — симптомъ, указывающій на внутреннюю болѣзнь. Въ Россіи, при скудости нашего образованія, эти явленія приняли особенно неприглядный характеръ. Реакціонная партія, кромѣ владычествующей бюрократіи, заключала въ себѣ разорившихся или разоряющихся дворянъ, которые изъ корыстныхъ видовъ возсылали свои мольбы къ правительству, какъ источнику всякихъ матеріальныхъ и чиновныхъ благъ. Въ ней тѣснилось и созданное Катковымъ поколѣніе, получившее прозваніе молодыхъ подлецовъ, которые ничего не понимали, кромѣ произвола и подобострастія, и, вслѣдъ за своимъ кумиромъ, пѣли гимны правительству, прославляя въ особенности энергію и мудрость Александра III. Къ ней примыкала, наконецъ, вся та масса пошляковъ, наполняющихъ всякое общество, особенно же такое невѣжественное, какъ наше, которая слѣдуетъ общему теченію и готова преклоняться передъ всякою властью. Ни одинъ изъ этихъ элементовъ, конечно, не содержалъ въ себѣ залоговъ для будущаго развитія отечества и для разумной государственной жизни.

Можно сказать, что это были худшіе изъ элементовъ русскаго общества, которые однако, при господствѣ реакціи, пользовались особеннымъ покровительствомъ, одни имѣли голосъ и повышались по чиновной лѣстницѣ. Противоположное направленіе, напротивъ, обнимало собою всю волнующуюся молодежь, исполненную благородныхъ стремленій, но лишенную всякой основательной подготовки и всякаго разумнаго руководства. Этотъ элементъ, еще менѣе, нежели первый, могъ способствовать правильному развитію русской общественной жизни. Скорѣе, онъ былъ для нея величайшею помѣхой. Соціализмъ есть безсмысленное отрицаніе всего существующаго общественнаго строя во имя фантастическаго будущаго; что же онъ могъ дать гражданскому порядку, кромѣ разрушенія? Благодаря соціалистической пропагандѣ русское общество лишилось плодовъ великихъ преобразованій Александра II. Именно эта пропаганда вызвала реакцію; она же продолжала служить ей главной опорой. Когда недоучившіеся юноши сходились въ тайныя организаціи и возмущали народъ на фабрикахъ, то для полиціи это была пожива. Лучшаго себѣ оправданія она не могла найти.

Однако, въ русскомъ обществѣ не было недостатка въ здоровыхъ силахъ; но онѣ были принижены и затеряны среди крайнихъ направленій. Эти люди дѣйствовали въ тиши, на мѣстахъ; они заводили школы и строили больницы. Но правительство смотрѣло на нихъ съ недовѣріемъ. Всякій независимый человѣкъ, не пресмыкающійся передъ властью, въ высшихъ кругахъ считается у насъ краснымъ; онъ становится предметомъ подозрѣнія. Въ обществѣ же они не находили опоры. Разоряющееся дворянство потеряло всякую самостоятельность и ожидало своего возрожденія отъ милостей власти. Купечество, вслѣдствіе покровительственной системы, находилось всецѣло въ рукахъ правительства, которое могло, однимъ почеркомъ пера, осыпать его незаслуженными благами или подорвать самые существенные его интересы. Крестьянство представляло косную массу, которая имѣла въ виду только насущный кусокъ хлѣба. Всѣ прежнія самостоятельныя силы исчезли, а новыя еще не успѣли сложиться. Къ тому же, прежніе разсадники просвѣщенія, отъ которыхъ исходилъ свѣтъ по русской землѣ, были придавлены, а соціалистическая молодежь смотрѣла на разумныхъ и умѣренныхъ людей, какъ на отсталыхъ.

Не гражданскій порядокъ, а рабочій вопросъ и крестьянскія смуты составляли для нея предметъ вожделѣній. Не мудрено, что русскіе люди, которые сохранили еще ясность мысли и благородные идеалы, пріуныли, не видя исхода изъ страшнаго положенія. Русское общество отупѣло; его умственый и нравственный уровень значительно понизился. Оффиціальная ложъ охватила его со всѣхъ сторонъ. Выраженіе независимыхъ мнѣній не допускалось, а лицемѣрныя изліянія преданности и любви, на старинномъ языкѣ холоповъ, желающихъ подслужиться къ барину, неслись къ престолу, ни мало не соотвѣтствуя истиннымъ чувствамъ писавшихъ.

Если таково было положеніе внизу, то на верху оно было еще несравненно хуже. Во всякомъ благоустроенномъ государствѣ одна изъ самыхъ существенныхъ задачъ политики состоитъ въ томъ, чтобы привлечь къ правительству лучшія общественныя силы; а тутъ поступали какъ разъ наоборотъ: къ верху поднимались именно худшіе элементы. Все независимое, имѣющее свои убѣжденія, тщательно устранялось, а возвышалось все гибкое, угодливое, пошлое. Чиновная лѣстница служила какъ бы способомъ очищенія бюрократіи отъ всякихъ независимыхъ

элементовъ. Если и случалось, что порядочный человѣкъ, силою покровительства, пріобрѣталъ вліятельное положеніе, то онъ скоро подпадалъ дѣйствію среды; она его заѣдала, и онъ терялъ всякое сознаніе различія между добромъ и зломъ. Отсюда столь частое у насъ превращеніе людей, какъ скоро они достигаютъ высшихъ чиновъ: они становятся неузнаваемы. Все это составляетъ обычную принадлежность неограниченной власти и бюрократическаго управленія. Неограниченные монархи, вообще, любятъ окружать себя угодниками; самостоятельное мнѣніе имъ непріятно. Это — общее свойство человѣческой природы. Раболѣпство и лесть вездѣ составляютъ отличительныя черты царедворцевъ. Только въ тѣ времена, когда власть чувствуетъ себя шаткою или предстоитъ совершить какое-либо трудное дѣло, какъ было у насъ въ эпоху преобразованій, призываются къ участію независимыя общественныя силы; какъ же скоро потребность миновалась, такъ онѣ удаляются. Съ своей стороны, бюрократія представляетъ громадную машину, въ которой каждое лице играетъ роль маленькаго колеса. Вступая въ нее, чиновникъ долженъ отречься отъ себя, отказаться отъ всякой независимости. Повиноваться и исполнять, та-

ково отнынѣ его призваніе, и это въѣдается въ его плоть и кровь, становится для него второю натурой. Таковъ обычный ходъ вещей. Но всѣ эти недостатки учрежденій еще въ значительной степени усугубляются тамъ, гдѣ, какъ у насъ, ощущается полное отсутствіе серіознаго образованія. Когда же къ этому присоединяется вліяніе реакціи, которая заподозриваетъ всякое самостоятельное движеніе мысли и ничего не хочетъ знать, кромѣ безмолвной покорности, то зло можетъ достигнуть самыхъ страшныхъ размѣровъ. Въ Россіи нравственный уровень высшихъ правительственныхъ сферъ никогда не былъ высокъ; но при Александрѣ III онъ понизился такъ, что это превосходитъ всякое вѣроятіе. Небольшое дѣло, случившееся въ то время, можетъ служить тому наилучшимъ доказательствомъ.

Строитель Рязанско-Козловской желѣзной дороги, Павелъ Григорьевичъ фонъ-Дервизъ, оставилъ по себѣ многомилліонное состояніе, перешедшее къ двумъ его сыновьямъ, изъ которыхъ старшій былъ уже совершеннолѣтній, а второй состоялъ подъ опекою матери. У умершаго богача былъ братъ, Дмитрій Григорьевичъ фонъ-Дервизъ, членъ Государственнаго Совѣта. Онъ изъ за чисто личныхъ вопросовъ поссорился съ

племянникомъ и вознамѣрился воспрепятствовать свободному его распоряженію своимъ имуществомъ. Добровольнымъ орудіемъ этой интриги явился школьный товарищъ и пріятель фонъ-Дервиза, министръ Юстиціи Манассеинъ. Онъ доложилъ Государю, что молодаго Дервиза надобно взять въ опеку, ибо онъ расточаетъ состояніе, оставленное ему отцомъ, и разоряетъ малолѣтняго брата. Были даже намеки, что деньги идутъ на неблагонадежныя цѣли. Государь, однако, не хотѣлъ рѣшить частное дѣло по личному докладу министра; но вмѣсто того, чтобы дать ему законный ходъ, то есть, вести его черезъ Дворянское Депутатское Собраніе, такъ какъ фонъ-Дервизъ былъ рязанскій дворянинъ, онъ велѣлъ разсмотрѣть его въ Комитетѣ Министровъ. Собрались всѣ высшіе государственные сановники, чтобы произнести приговоръ, который долженъ былъ имѣть послѣдствіемъ лишеніе полноправнаго дворянина принадлежащихъ ему гражданскихъ правъ и наложеніе на него позорнаго наказанія. По прочтеніи докладной записки министра Юстиціи, Абаза замѣтилъ, что слѣдовало бы потребовать объясненій отъ обвиняемаго. На это другіе отвѣчали, что послѣ того какъ министръ собралъ всѣ нужныя свѣдѣнія, это со-

вершенно излишне, и всѣ, не обинуясь, подписали рѣшеніе. Тутъ сидѣли юристы, въ томъ числѣ Побѣдоносцевъ, которымъ весьма хорошо было извѣстно, что осужденіе человѣка безъ предъявленія ему обвиненія и безъ полученія отъ него отвѣта есть вопіющее нарушеніе самыхъ элементарныхъ требованій правосудія. Они знали, что по нашимъ законамъ, когда земское собраніе не то, что предаетъ суду, а только представляетъ Сенату о преданіи суду члена управы, виновнаго въ какихъ-либо злоупотребленіяхъ, Сенатъ возвращаетъ представленіе, если при немъ нѣтъ объясненія обвиняемаго. И тѣмъ не менѣе, они сочли возможнымъ, въ угоду товарищу, попрать ногами и правосудіе и довѣріе Государя. Опекуномъ былъ назначенъ другой товарищъ и пріятель Макассеина, сенаторъ Коробьинъ, которому внезапно съ неба свалились 30 000 рублей годоваго дохода. Всѣ поздравляли его съ этимъ радостнымъ событіемъ.

Между тѣмъ, ни въ чемъ не повинный Дервизъ сидѣлъ у себя въ деревнѣ, вовсе не подозрѣвая собравшейся надъ нимъ грозы. Вдругъ ему объявляютъ, что онъ, какъ расточитель имѣнія, взятъ въ опеку! Къ счастью, мать его, живя за границею, была знакома съ одною особой,

имѣвшей положеніе и связи при дворѣ. Она бросилась къ ней и объяснила, что все это чистая клевета, что никакого разоренія нѣтъ, а напротивъ, со времени смерти стараго Дервиза, капиталы увеличились. Та посовѣтовала подать прошеніе Государю и взялась его доставить. Государь увидѣлъ, что онъ былъ обманутъ и велѣлъ разсмотрѣть дѣло вновь въ Комитетѣ Министровъ. На этотъ разъ Манассеинъ, видя, что штука не удалась, даже не явился въ засѣданіе, и всѣ, точно также безъ всякаго прекословія, подписали отмѣну прежняго рѣшенія. Разсказывали, что послѣ этого Побѣдоносцевъ плакался передъ Государемъ, увѣряя его, что онъ былъ введенъ въ заблужденіе; какъ будто можно заблуждаться на счетъ того, что непозволительно осуждать человѣка, не потребовавъ даже отъ него отвѣта на счетъ взводимыхъ на него обвиненій! При этомъ Государь будто бы сказалъ, говоря о главномъ зачинщикѣ этого дѣла, Д. Г. фонъ-Дервизѣ: „ужъ я до этого горбуна доберусь!" Но горбунъ продолжалъ спокойно сидѣть въ Государственномъ Совѣтѣ, и самъ министръ Юстиціи, нагло проведшій своего Государя и пойманный въ мошенничествѣ, продолжалъ управлять попираемымъ имъ правосудіемъ въ

несчастной русской землѣ. Манассеинъ потерялъ мѣсто уже впослѣдствіи, когда онъ сочинилъ такъ называемое судилище совѣсти, въ которое, по предложенному имъ проекту, ему предоставлялось право, по своему усмотрѣнію, переносить дѣла изъ всѣхъ судебныхъ мѣстъ Имперіи. Такое властолюбіе показалось уже черезъ-чуръ дерзкимъ.

Можно навѣрное сказать, что еслибы дѣло фонъ-Дервиза, вмѣсто того чтобы судиться собраніемъ высшихъ сановниковъ Русской Имперіи, было передано послѣднему изъ входящихъ въ составъ ея сословій, напримѣръ мѣщанамъ, оно получило бы иное рѣшеніе. Они не взяли бы на себя осудить человѣка, не предъявивъ ему вины и не получивъ отъ него отвѣта. Въ нихъ пробудилась бы совѣсть, которая въ собраніи сановниковъ блистала только полнымъ своимъ отсутствіемъ. И надобно замѣтить, что въ числѣ этихъ сановниковъ были люди несомнѣнно честные и порядочные. Но это именно показываетъ нравственный уровень среды, въ которой самыя вопіющія нарушенія правды и нравственности считаются дѣломъ столь обычнымъ, что на него не стоитъ даже обращать вниманіе.

Какую же послѣ этого опору могъ найти въ ней молодой Государь, вступившій на престолъ

послѣ смерти отца? Неопытный въ дѣлахъ и неподготовленный къ управленію, опутанный цѣлою сѣтью лжи, онъ не имѣлъ ни одного человѣка, на котораго бы онъ могъ положиться. Очевидно, при самыхъ лучшихъ намѣреніяхъ, онъ легко могъ сдѣлаться игралищемъ въ рукахъ окружающихъ.

Историческая задача новаго царствованія раскрывалась сама собою. Царствованіе Александра III-го все опредѣлилось катастрофою 1-го марта, также какъ царствованіе Николая I опредѣлилось возмущеніемъ 14-го декабря. Въ обоихъ случаяхъ наступила реакція, часто неумѣлая и шедшая черезъ край, но вызванная предшествующими событіями. Царствованія же ихъ преемниковъ должны были снова поставить Россію на путь правильнаго развитія. Однако, между обѣими эпохами была существенная разница. Александру II предстояло совершить все упущенное родителемъ, преобразовать русскую землю на новыхъ началахъ. Передъ Николаемъ II не было такихъ крупныхъ задачъ, ибо величайшія преобразованія были уже совершены. Нужно было, прежде всего, возстановить ихъ въ полной силѣ, сдѣлать ихъ истиной и утвердить на нихъ прочный законный порядокъ вещей.

Это не было бы неуваженіемъ къ памяти отца, а просто сознаніемъ того, что разныя времена и царствованія имѣютъ разныя задачи. Нельзя же оставлять людей цѣлые десятки лѣтъ въ осадномъ положеніи; надобно наконецъ возвратиться къ нормальному порядку, и перемѣна царствованія представляетъ для этого самый удобный поводъ. Еслибы молодой царь, даже не дѣлая шага впередъ, пошелъ по пути, указанному дѣдомъ, то благоразумные русскіе люди были бы довольны. Они съ тревогою обращали свои взоры къ престолу, спрашивая себя, что́ возьметъ верхъ: добрая ли натура царя или вліяніе окружающихъ, которые, конечно, ничего другаго не желали, какъ продолженія произвола, удовлетворяющаго ихъ личнымъ интересамъ и составляющаго единственное доступное имъ орудіе дѣйствія?

Первый шагъ былъ горькимъ разочарованіемъ. На пріемѣ собравшихся со всей Россіи предводителей дворянства, царь счелъ нужнымъ въ рѣзкихъ выраженіяхъ дать отпоръ адресу Тверичей, которые въ весьма почтительной формѣ просили о возстановленіи законнаго порядка. Онъ обозвалъ эти стремленія „безсмысленными мечтаніями.“ Услыхавъ эти слова, раболѣпные представители благороднаго сословія, за исключеніемъ весьма

немногихъ, поѣхали отслужить благодарственный молебенъ въ Казанскомъ Соборѣ, чѣмъ показали свой нравственный уровень; но въ Россіи это выраженіе произвело глубокое и неблагопріятное впечатлѣніе. Въ тверскомъ адресѣ говорилось не о конституціи, а объ утвержденіи законнаго порядка, который составляетъ насущную потребность жизни. Если это объявлялось безсмысленнымъ мечтаніемъ, то на что же можно было надѣяться? Или подданные не должны дерзать просить объ облегченіи своей участи, даже когда имъ невыносимо тяжело?

Однако, это слово, внушенное юному вѣнценосцу людьми, которымъ ненавистенъ законный порядокъ, могло вырваться у него случайно. Ожидали дальнѣйшихъ дѣйствій. Они, къ сожалѣнію, не могли разсѣять перваго впечатлѣнія.

Царь поѣхалъ въ Варшаву. Тамъ его приняли съ восторгомъ. Несчастная Польша ожидала отъ него хотя нѣкотораго облегченія того нестерпимаго гнета, подъ которымъ она страдаетъ. Въ особенности уніаты, подлогомъ причисленные къ православію, надѣялись, что имъ наконецъ разрѣшено будетъ исповѣдывать ту вѣру, къ которой они издавна принадлежали. Казалось, что молодой монархъ доступенъ чело-

вѣческимъ чувствомъ. По учебнымъ заведеніямъ разосланъ былъ приказъ, которымъ разрѣшалось ученикамъ изъ католиковъ не присутствовать на молебствіяхъ православныхъ. Но скоро рѣшеніе по дѣлу уніатовъ положило конецъ всѣмъ надеждамъ. Царь собственноручно написалъ на докладѣ: „Поляки безвозбранно да чтутъ Господа Бога по латинскому обряду, русскіе же люди искони были и будутъ православные и вмѣстѣ съ царемъ своимъ и царицею выше всего чтутъ и любятъ родную православную церковь.“ Вслѣдствіе этого, всѣ подложно присоединенные уніаты объявлялись православными. „Надѣюсь,“ прибавлялъ Государь, „что эти правила удовлетворятъ всѣмъ справедливымъ требованіямъ и предотвратятъ всякую смуту, разсѣваемую въ народѣ врагами Россіи и Православія.“

Русскіе люди пришли въ горестное недоумѣніе. Неужели же царю неизвѣстно, что въ Россіи есть многіе милліоны честныхъ и вѣрныхъ сыновъ отечества, которые вовсе не исповѣдуютъ православной вѣры? Неужели никто никогда не объяснялъ ему, что такое свобода совѣсти, не говорилъ, что государство вовсе даже не имѣетъ права вмѣшиваться въ отношенія души къ Богу, и что всякое посягательство на эту святыню

есть отрицаніе нравственнаго существа человѣка? Или онъ не знаетъ, что искренно вѣрующаго, который думаетъ о спасеніи своей души, руководясь внутреннимъ голосомъ совѣсти, указаніе на то, что господствующая религія исповѣдывается царемъ и царицей, не только не способно привлечь къ оффиціальной церкви, а напротивъ, какъ выраженіе земнаго угодничества, можетъ скорѣе его оттолкнуть? Неужели, наконецъ, государь можетъ думать, что отказывая подложно присоединеннымъ уніатамъ въ свободномъ исповѣданіи ихъ вѣры, онъ тѣмъ самымъ полагаетъ конецъ всѣмъ на насъ нареканіямъ?

Тѣ, которые ожидали лучшихъ дней, пріуныли, а окружающіе престолъ увидѣли, что царя легко обойти, и притомъ безнаказанно. Небольшой инцидентъ обнаружилъ это въ полной мѣрѣ.

Въ Петербургѣ происходили выборы городскаго головы. Первымъ кандидатомъ прошелъ молодой графъ Мусинъ-Пушкинъ, а вторымъ купецъ Леляновъ. Занимая придворную должность, графъ Пушкинъ, еще до выборовъ, поручалъ спросить у Государя: будетъ ли ему угодно, если онъ выступитъ кандидатомъ? На это онъ по-

лучилъ весьма благосклонный отвѣтъ, а потому никто не сомнѣвался, что онъ будетъ утвержденъ, какъ вдругъ оказалось, что утвержденъ Леляновъ, на томъ основаніи, что онъ получилъ большее количество голосовъ. Между тѣмъ, въ городскихъ выборахъ, въ отличіе отъ дворянскихъ, количество голосовъ, получаемыхъ первымъ и вторымъ кандидатомъ, не имѣетъ ровно никакого значенія. На дворянскихъ выборахъ избираются два кандидата на одномъ и томъ же собраніи и одинакимъ количествомъ голосовъ. Первымъ считается тотъ, кто получилъ больше, а вторымъ слѣдующій за нимъ. На практикѣ, этотъ порядокъ порождаетъ безпрерывныя затрудненія. Второй кандидатъ не есть кандидатъ меньшинства, а того же большинства, которому онъ служитъ только подставнымъ лицемъ, на случай если первый не будетъ утвержденъ. Поэтому надобно расчитать голоса такъ, чтобы онъ получилъ ихъ нѣсколько меньше перваго. Но такъ какъ и меньшинство кладетъ свои шары въ тотъ же ящикъ, то оно легко можетъ разстроить эти расчеты, переложивъ второму кандидату, который черезъ это становится первымъ. Такимъ образомъ, большинство часто лишается возможности провести своего кандидата. Вслѣд-

ствіе такого устройства въ дворянскихъ собраніяхъ происходятъ нескончаемыя закулисныя интриги. Стараются заранѣе узнать, куда будетъ класть свои шары меньшинство, подслушиваются разговоры, строго слѣдятъ за ящиками, такъ что тайная баллотировка на дѣлѣ превращается въ явную. Иногда посреди баллотировки внезапно мѣняются инструкціи, вслѣдствіе подмѣченныхъ козней меньшинства. Во избѣжаніе всѣхъ этихъ происковъ и замѣшательствъ, для городскихъ выборовъ установлена другая, весьма простая система: оба кандидата баллотируются отдѣльно, въ разныхъ собраніяхъ. При такомъ порядкѣ, каждый избиратель знаетъ, въ пользу котораго изъ двухъ онъ подастъ свой голосъ, и какое бы количество голосовъ ни получилъ второй кандидатъ, онъ никогда не можетъ стать первымъ, который и есть настоящій избранникъ общества. Второй представляется только на случай, если первый по чему либо не можетъ быть утвержденъ. Все это весьма хорошо извѣстно всѣмъ, кто занимается городскими выборами, а также и всякому юристу; но эта подробность не была извѣстна царю, которому впервые приходилось рѣшать эти вопросы. Прямою обязанностью министра Внутреннихъ Дѣлъ, который докладывалъ

это дѣло Государю, было разъяснить ему эти особенности. Вмѣсто того, онъ сознательно ввелъ его въ заблужденіе, и Леляновъ былъ утвержденъ на томъ основаніи, что онъ получилъ бóльшее число голосовъ противъ Пушкина. Министръ расчитывалъ, что Леляновъ откажется, и тогда онъ назначитъ своего кандидата. Однако расчетъ оказался невѣренъ; Леляновъ принялъ, и штука была сыграна напрасно. Но вина остается таже: это былъ явный и наглый обманъ. Тѣмъ не менѣе, министръ, его учинившій, спокойно остался на своемъ мѣстѣ.

Сановники расходились. Они увидѣли, что имъ предоставленъ полный просторъ дѣлать все, что угодно, и они воспользовались этимъ для своихъ цѣлей. Одни за другими стали появляться самые нелѣпые и невѣжественные проекты и записки, въ которыхъ, подъ видомъ возвеличенія самодержавія, каждый хотѣлъ захватить бóльшую или меньшую частичку его въ свою пользу. Главноуправляющій Канцеляріей для принятія прошеній, Сипягинъ (нынѣ министръ Внутреннихъ Дѣлъ), представилъ проектъ, далеко оставлявшій за собою прежнія затѣи Манассеина. Онъ доказывалъ, что существо русскаго самодаржавія состоитъ въ томъ, что царь долженъ

имѣть возможность самъ рѣшать всѣ дѣла и служить прибѣжищемъ всѣхъ притѣсняемыхъ, ибо только къ нему народъ имѣетъ безграничное довѣріе. Вслѣдствіе этого предлагалось дать главноуправляющему право принимать всѣ прошенія, какъ по частнымъ дѣламъ, такъ и по дѣламъ, производимымъ во всѣхъ административныхъ и судебныхъ мѣстахъ, и рѣшать ихъ путемъ личныхъ докладовъ Государю, согласно съ волею Его Величества. Очевидно, Д. С. Сипягинъ хотѣлъ, подъ фирмою самодержавной власти, самъ быть самодержавнымъ царькомъ, ибо всѣмъ извѣстно, что дѣла по личнымъ докладамъ обыкновенно рѣшаются согласно съ мнѣніемъ докладчика, такъ какъ монархъ не имѣетъ ни малѣйшей возможности провѣрить основательность представленія. Едва ли этому изумительному предложенію суждено осуществиться. Ясно, что всѣ министры должны противъ него возстать, ибо черезъ это они, въ сущности, становятся подчиненными главноуправлящаго Канцеляріей для принятія прошеній; но самая возможность внесенія въ Государственный Совѣтъ такихъ дикихъ проектовъ можетъ служить характернымъ признакомъ времени. Это показываетъ, что среди сановниковъ исчезъ, наконецъ, всякій стыдъ.

Министръ Финансовъ не хотѣлъ отстать отъ своего товарища и друга. Онъ, въ свою очередь, по поводу предложеннаго министромъ Внутреннихъ Дѣлъ введенія земскихъ учрежденій въ Западныхъ губерніяхъ, представилъ записку, въ которой, возвеличивая самодержавіе, онъ, вопреки самымъ элементарнымъ понятіямъ государственнаго права и политики, вопреки всей исторіи, какъ западноевропейской, такъ и русской, доказывалъ, что съ этимъ образомъ правленія несовмѣстны всесословныя выборныя учрежденія. Единственное сообразное съ этимъ началомъ орудіе управленія есть, по мнѣнію министра Финансовъ, всемогущее и всеохватывающее чиновничество. Китай представляется ему идеаломъ государственнаго устройства. Когда умный человѣкъ проповѣдываетъ подобныя небылицы, въ которыя самъ онъ не можетъ вѣрить, то надобно искать за этимъ какой-либо задней мысли. Здѣсь она очевидно заключается въ томъ, чтобъ, играя передъ юнымъ Государемъ призракомъ самодержавія, забрать какъ можно болѣе силы и власти въ свои руки, устранивъ все, что можетъ препятствовать полному ея разгулу. Каждому министру, конечно, выгодно выступать ярымъ защитникомъ самодержавія, ибо

на этомъ зиждется собственное его положеніе. Подъ этою фирмой, алчная къ власти бюрократія, оторванная отъ почвы, погруженная въ бумажное дѣлопроизводство, не имѣющая понятія объ истинныхъ потребностяхъ народа и представляющая ихъ постоянно въ превратномъ видѣ, сообразно съ личными цѣлями правящихъ чиновниковъ, хочетъ руководить всею жизнью русскаго общества, направлять его по своему усмотрѣнію, опутать его цѣлою сѣтью агентовъ, не дать ему дохнуть, однимъ словомъ уничтожить въ немъ всякую самостоятельность и всякую самодѣятельность. Можно себѣ представить, что бы вышло, еслибы эта программа осуществилась. Это былъ бы конецъ Россіи; всѣ ея живыя силы были бы подорваны, и она задохнулась бы въ бюрократическихъ тискахъ.

Однако, министерство Внутреннихъ Дѣлъ не оставило этой записки безъ отвѣта. Оно вовсе не желало выпустить изъ своихъ рукъ подчиненное ему и удобное во многихъ отношеніяхъ земство. Поэтому оно выступило въ его защиту, утверждая, что оно, въ сущности представляетъ такое же чиновничье учрежденіе, какъ и всѣ другія, доказательствомъ чему является то, что служащимъ въ немъ присвоены чины и

мундиры. Единственная бѣда состоитъ, по мнѣнію министерства, въ недостаточной регламентаціи его дѣятельности; это было упущено при составленіи Земскаго положенія. Но когда министерство восполнитъ этотъ пробѣлъ, когда оно опутаетъ земство цѣлою сѣтью изданныхъ имъ правилъ, тогда все придетъ въ надлежащій порядокъ.

Такимъ образомъ, на несчастное земство, которое держитъ себя тише воды, ниже травы, собирается гроза со всѣхъ сторонъ, во имя самодержавія, то есть, произвола чиновниковъ. У него хотятъ отнять школы, ограничить его право самообложенія, поставить его подъ бюрократическую опеку, выгнать изъ него всякій независимый духъ и превратить его въ чисто чиновничье учрежденіе. Насколько этотъ походъ будетъ имѣть успѣхъ, покажетъ будущее.

Рядомъ съ этимъ проектируется и реформа судовъ. И тутъ результатъ еще неизвѣстенъ; но при существующемъ настроеніи въ высшихъ сферахъ, можно понять, въ какомъ направленіи должно совершиться преобразованіе. И теперь уже отъ Судебныхъ Уставовъ осталась почти что одна форма; духъ, ихъ оживлявшій, давно отлетѣлъ. Къ чести Муравьева надобно сказать, что онъ

не счелъ начала несмѣняемости судей несовмѣстнымъ съ самодержавіемъ, хотя, при открытіи коммиссіи, онъ коснулся этого вопроса и примѣръ товарищей по министерству былъ слишкомъ соблазнителенъ. Однако, въ проектѣ это начало не распространяется на низшіе, близкіе къ народу суды, которыми предполагается замѣнить упраздненные мировые. А такъ какъ рядомъ съ этимъ остаются и земскіе начальники, то это будетъ лишь новый бюрократическій элементъ, внѣдряющійся въ мѣстную жизнь. Съ другой стороны, съ введеніемъ винной монополіи, провинція наводняется цѣлою массою правительственныхъ агентовъ. Русская провинція, въ которой доселѣ еще можно было дышать лишь благодаря тому, что правительственная власть была далека, нынѣ охватывается ею во всѣхъ своихъ углахъ. Бюрократія всюду пускаетъ свои развѣтвленія, стремясь опутать всю русскую жизнь желѣзною цѣпью произвола и формализма. Вольный воздухъ степей заражается міазмами, идущими изъ петербургскихъ канцелярій и распространяющихся по всей несчастной русской землѣ.

А между тѣмъ, эта бюрократія, которая стремится всюду властвовать и все забрать въ свои

руки, оказалась совершенно несостоятельною именно въ той отрасли, откуда ей удалось изгнать всякую самосостоятельность въ народномъ просвѣщеніи. Здѣсь произошла перемѣна, которая могла имѣть важныя послѣдствія. Раздавившій русскіе университеты и возведенный за это въ графское достоинство Деляновъ умеръ, покоясь на лаврахъ. На его мѣсто назначенъ былъ впервые человѣкъ, вышедшій изъ учащаго сословія, а потому близко знакомый съ его потребностями и взглядами — Н. П. Боголѣповъ, недавно еще дѣльный профессоръ римскаго права, сперва выборный, потомъ назначенный отъ правительства ректоръ Московскаго университета, а затѣмъ возведенный въ попечители Московскаго учебнаго округа. Онъ пользовался репутаціей безукоризненной честности, и можно было ожидать, что онъ воспользуется своимъ положеніемъ, чтобы возвратить университетамъ безсмысленно отнятыя у нихъ права и возстановить въ нихъ нормальный порядокъ. Этого требовало уваженіе къ университетамъ и къ просвѣщенію, и минута была самая благопріятная. Однимъ этимъ актомъ пріобрѣталась огромная популярность не только новому министру, но и молодому царю, который явился бы покровителемъ просвѣщенія

и тѣмъ привлекъ бы къ себѣ всѣ сердца. Но такова уже у насъ судьба людей, что когда они возвышаются по чиновной лѣстницѣ и вступаютъ въ затхлую атмосферу высшей бюрократіи, у нихъ отуманивается голова и всякія здравыя понятія исчезаютъ. Новый министръ Народнаго Просвѣщенія явился первымъ противникомъ автономіи университетовъ. Полицейскіе взгляды возобладали надъ уваженіемъ къ просвѣщенію. То, что въ деспотическое правленіе Николая I представлялось естественнымъ и нормальнымъ, выборъ ректора и декановъ, то въ концѣ XIX-го вѣка, послѣ великихъ преобразованій, обновившихъ всю русскую землю, министру, вышедшему изъ среды ученаго сословія, показалось *опаснымъ*. Ему было однако извѣстно, что не далѣе, какъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ, при введеніи новаго устава, министерство Народнаго Просвѣщенія, какъ уже сказано было выше, назначило на эти должности тѣхъ самыхъ лицъ, которыя передъ тѣмъ были выбраны университетами, и этимъ яснѣе дня доказало, что выборы не заключали въ себѣ ничего опаснаго, а напротивъ, заслуживали довѣрія правительства. Съ тѣхъ поръ оно властвовало безгранично, наполняло университеты своими клевретами, сажало на долж-

вости кого ему было угодно. Если за это время положеніе такъ измѣнилось, что выборы сдѣлались опасными, то это могло быть только горькою ироніей, самою злою критикой устава 1884 года; этимъ доказывалось полное безсиліе правительства и необходимость возвращенія къ нормальному порядку. Но для людей, ослѣпленныхъ властью, самые очевидные доводы пропадаютъ даромъ. Минута была упущена, и гнусный порядокъ вещей, порожденный уставомъ 1884 года, продолжалъ существовать.

Горькіе плоды этого устава не замедлили обнаружиться. По самому пустому поводу въ Петербургскомъ университетѣ возникли безпорядки, которые затѣмъ распространились по всѣмъ университетамъ и другимъ высшимъ учебнымъ заведеніямъ. Поводъ состоялъ въ томъ, что передъ актомъ ректоръ вывѣсилъ объявленіе, въ которомъ перечислялись наказанія, установленныя закономъ за безпорядки на улицахъ. Студенты обидѣлись и на актѣ освистали ректора, но затѣмъ, въ доказательство, что въ этой демонстраціи не было ничего политическаго, самымъ чиннымъ образомъ пропѣли гимнъ: *Боже, царя храни!* Между тѣмъ, полиція, заранѣе извѣщенная о готовившихся въ стѣнахъ универ-

ситета безпорядкахъ, вздумала почему-то принять мѣры на улицахъ. При выходѣ изъ университета, студенты нашли прегражденнымъ путь по Дворцовому мосту и по Невѣ. Они хотѣли прорваться, но полиція ихъ не пускала. Они стали кидать въ полицію снѣжками, отъ чего лошади конной стражи испугались. Тогда конный полицейскій отрядъ принялъ въ нагайки всю эту толпу, въ которой находились не одни студенты, но также профессора и посторонніе лица. Это была дикая расправа, которая возмутила не только студентовъ, но и все петербургское общество; оно горою стало за молодежь. Въ университетѣ начались сходки; студенты рѣшили прекратить посѣщеніе лекцій, пока имъ не дано будетъ удовлетвореніе. По всѣмъ другимъ университетамъ разосланы были эмиссары, и вездѣ было рѣшено не ходить на лекціи. Оказалось, что профессорская корпорація была разрушена, но студенты были организованы. Иротивъ этого движенія тупое университетское начальство, лишенное всякихъ средствъ нравственнаго воздѣйствія, приняло чисто полицейскія мѣры. Студентовъ, безъ всякаго разбора и суда, массами исключали изъ университета, а полиція немедленно высылала ихъ на мѣста жительства.

Никогда прежнія выборныя университетскія власти не вели себя такимъ недостойнымъ образомъ. Случалось, что онѣ твердо стояли противъ студенческихъ безпорядковъ, какъ было въ Московскомъ университетѣ въ 1861 году; но онѣ бережно и любовно относились къ учащейся молодежи. Онѣ чувствовали свою нравственную связь съ студентами и съ университетомъ. Исключеніе изъ университета считалось строгимъ наказаніемъ, которое никогда не прилагалось безъ тщательнаго разбора дѣла. Противъ полиціи университетскія власти являлись заступниками за студентовъ. При всякихъ полицейскихъ разслѣдованіяхъ былъ депутатъ отъ университета, который старался отстоять невинныхъ и облегчить судьбу виновныхъ. Студенты чувствовали, что о нихъ есть попеченіе. Новыя же власти, созданныя уставомъ 1884 года, показали себя тѣмъ, чѣмъ онѣ были на самомъ дѣлѣ, — чисто полицейскими чиновниками. Онѣ превзошли даже полицію въ повальномъ примѣненіи административнаго произвола. Когда же профессора хотѣли вступитьтя въ эти обострившіяся отношенія и просили разрѣшенія собраться въ Совѣтъ и обсудить положеніе вещей, какъ было въ Кіевѣ и въ Казани, имъ объявляли,

чтобы они не вмѣшивались не въ свое дѣло и формально воспрещали собираться. Въ Москвѣ профессоръ физики, который старался успокоить студентовъ увѣщаніями, сперва на каѳедрѣ, а потомъ на дому, получилъ такое же внушеніе. И все это поддерживалось министерствомъ, которое, кромѣ самыхъ крутыхъ полицейскихъ мѣръ, ничего не хотѣло знать. Понятно, что это могло произвести только вящее раздраженіе.

Однако, и въ петербургскихъ высшихъ бюрократическихъ сферахъ, благодаря внутреннимъ раздорамъ министровъ, нашлись заступники за студентовъ. Въ пику министру Внутреннихъ Дѣлъ, министръ Финансовъ подалъ записку, въ которой онъ рѣзко нападалъ на полицію, доказывалъ, что въ студенческомъ движеніи нѣтъ ничего политическаго, и предлагалъ учрежденіе коммиссіи, подъ предсѣдательствомъ довѣреннаго Государю лица, для разслѣдованія причинъ студенческихъ безпорядковъ. Это предложеніе было принято; назначена была коммиссія, подъ предсѣдательствомъ бывшаго военнаго министра, генерала Ванновскаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ, студентамъ было объявлено, что до окончательнаго разслѣдованія дѣла, всѣ исключенные и высланные

ихъ товарищи будутъ возвращены. Это возымѣло свое дѣйствіе; волненія временно прекратились.

Но правительство само позаботилось объ ихъ возобновленіи. Высланные студенты дѣйствительно были возвращены вездѣ, исключая Кіева; но здѣсь министерство упорно въ этомъ отказывало, вѣроятно вслѣдствіе того, что въ числѣ исключенныхъ были многіе Поляки и Евреи, замѣшанные въ прежнихъ безпорядкахъ, бывшихъ по поводу открытія памятника Мицкевичу. Кіевскіе студенты раздѣлись на двѣ партіи, изъ которыхъ одна стояла за продолженіе забастовки, пока высланные не будутъ возвращены, а другая хотѣла только просить о ихъ возвращеніи и между тѣмъ посѣщать лекціи. Разумной власти не трудно было поддержать послѣднихъ; вмѣсто того, она отдала ихъ на жертву забастовщикамъ. Когда же профессора хотѣли выступить посредниками и подали о томъ записку, имъ воспретили собираться. Такой способъ дѣйствія, разумѣется, могъ только разжечь огонь и дать силу крайнимъ элементамъ, которые начали прибѣгать даже къ насиліямъ для достиженія своихъ цѣлей. Отъ кіевскихъ студентовъ посланы были повсюду эмиссары, съ просьбою о поддержкѣ,

вслѣдствіе чего и въ другихъ университетахъ прекратившаяся было забастовка возобновилась съ новою силой. Тогда министерство приняло самую необыкновенную мѣру: оно исключило всѣхъ студентовъ изъ всѣхъ русскихъ университетовъ, при чемъ имъ было объявлено, что они могутъ подавать прошенія объ обратномъ вступленіи, но начальство будетъ принимать, по своему усмотрѣнію, только тѣхъ, которыхъ оно признаетъ благонадежными. Это было циническое возведеніе административнаго произвола въ принципъ университетскаго управленія. Часть студентовъ, которымъ, во что бы ни стало, нужно было держать экзаменъ, на это пошли, но значительная часть осталась исключенною. Университеты подверглись полному разстройству; студенты были оскорблены, профессора были оскорблены, общество было возмущено, но полицейская сила, въ лицѣ министра и его клевретовъ, торжествовала побѣду.

Между тѣмъ, коммиссія Ванновскаго кончила свои разслѣдованія. Каковъ былъ ея докладъ, публикѣ осталось неизвѣстнымъ. Говорятъ, что на него не обратили никакого вниманія, чѣмъ генералъ Ванновскій былъ очень огорченъ. Россіи сообщили только послѣдовавшую затѣмъ Высо-

чайшую резолюцію, писанную, какъ утверждаютъ, Побѣдоносцевымъ. Въ ней, съ высоты Престола, именемъ Государя, слегка осуждалась полиція, но главнымъ образомъ дѣлался выговоръ подчиненнымъ властямъ и въ особенности профессорамъ, которые не сумѣли пріобрѣсти надъ студентами должнаго нравственнаго авторитета и удержать ихъ отъ волненій. Министерству предписывалось сдѣлать имъ на этотъ счетъ внушеніе, а если нужно, то и принять строгія мѣры. Осуждалось и общество, которое своимъ сочувствіемъ поддерживало волнующихся студентовъ. Однимъ словомъ, осуждались всѣ, кромѣ тѣхъ, на которыхъ лежала настоящая отвѣтственность за безпорядки. Съ больной головы вина сваливалась на здоровую.

Если правда, что эту резолюцію писалъ Побѣдоносцевъ, то это опять ничто иное какъ явный обманъ, въ который онъ сознательно вовлекъ невѣдующаго истиннаго положенія дѣлъ Государя. Ему, нѣкогда близко стоявшему къ университетамъ, противнику новаго устава, было весьма хорошо извѣстно, что этимъ уставомъ всякая корпоративная связь профессоровъ была уничтожена, что имъ оказано было полное недовѣріе и нравственный авторитетъ ихъ подор-

ванъ; ему было извѣстно, что въ теченіи многихъ лѣтъ вся цѣль правительства состояла въ томъ, чтобы разъединить профессоровъ и студентовъ и ограничить первыхъ однимъ чтеніемъ лекцій; что всякій разъ какъ они вступались въ студенческія отношенія, имъ дѣлали выговоры и говорили, что это вовсе не ихъ дѣло; что даже въ настоящія волненія, когда профессора просили разрѣшенія собраться и обсудить положеніе, имъ въ этомъ отказывали, а тѣмъ, которые старались успокоительно дѣйствовать на студентовъ, дѣлали строгія внушенія. И вдругъ, этихъ самыхъ всячески униженныхъ профессоровъ правительство упрекало въ томъ, что они не сумѣли пріобрѣсти нравственнаго авторитета надъ студентами, между тѣмъ какъ оно само дѣлало все, чтобы этотъ авторитетъ уничтожить! И какое понятіе о нравственномъ авторитетѣ должны имѣть люди, которые воображаютъ, что для пріобрѣтенія его могутъ употребляться мѣры строгости со стороны правительственной власти! Неужели писавшему эту странную резолюцію неизвѣстно, что нравственный авторитетъ надъ юношествомъ пріобрѣтается только независимыми людьми, въ силу взаимнаго довѣрія и уваженія? Первое его условіе заключается въ искренности

и правдивости; а что можетъ искренній и правдивый профессоръ сказать студентамъ относительно положенія университетовъ и отношенія къ нимъ правительства? Онъ можетъ только сказать, что правительство разрушило университеты, оказало полное недовѣріе профессорамъ и полное презрѣніе къ просвѣщенію, что оно превратило университеты въ канцеляріи или въ собранія полицейскихъ чиновниковъ, неспособныхъ имѣть ни малѣйшаго нравственнаго вліянія на ввѣренную имъ молодежь. Этимъ ли онъ можетъ удержать ихъ отъ волненій? Какъ зрѣлый и благоразумный человѣкъ, онъ, пожалуй, можетъ доказывать имъ, что въ странѣ, гдѣ господствуютъ необузданный произволъ и лицемѣрное раболѣпство, гдѣ власть есть все, а общество ничего, безполезно и опасно стремиться къ справедливости и искать какихъ либо гарантій для лица; но послушается ли взволнованное юношество проповѣди, противорѣчащей самымъ благороднымъ стремленіямъ человѣческой души? При существующихъ условіяхъ, также какъ и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, въ знаменитые сороковые годы, нравственный авторитетъ надъ студентами можетъ пріобрѣсти только тотъ профессоръ, который стоитъ въ оппозиціи къ пра-

вительству; тотъ же, который старается ему подслужиться и пользуется его благосклонностью, теряетъ всякое нравственное вліяніе. Въ эпоху реформъ положеніе было иное; но само правительство разрушило тѣ зачатки разумно консервативнаго направленія, которые въ то время начинали укореняться въ русскихъ университетахъ. Вина въ этомъ всецѣло лежитъ на немъ, и если оно теперь хочетъ взвалить ее на профессоровъ, то это не болѣе какъ возмутительная недобросовѣстность.

Но если редакторъ Высочайшей резолюціи взялъ на себя всю отвѣтственность за лживое представленіе фактовъ и за всѣ тѣ нелѣпости, которыя въ ней заключаются, то еще хуже положеніе министра Народнаго Просвѣщенія. Есть слухи, что онъ былъ устраненъ отъ редакціи; въ такомъ случаѣ это для него оскорбленіе, и тогда какъ можетъ онъ оставаться на своемъ мѣстѣ? Съ нравственной точки зрѣнія это тѣмъ менѣе допустимо, что оставаясь, онъ принимаетъ на себя всю отвѣтственность за выговоръ, сдѣланный его подчиненнымъ, между тѣмъ какъ ему заподлинно извѣстно, что они его не заслужили. Онъ знаетъ, что онъ самъ воспрещалъ ихъ собранія, дѣлалъ имъ выговоры за

вмѣшательство, и послѣ этого на нихъ же сваливается вина! Тутъ не можетъ быть отговорки, что онъ на своемъ мѣстѣ остается противъ воли: честный человѣкъ не остается тамъ, гдѣ отъ него требуется то, что противно чести и совѣсти. Если же онъ самъ участвовалъ въ редакціи, основанной на ложномъ представленіи фактовъ, то какъ назвать подобный поступокъ? Въ виду его честнаго прошлаго, не рѣшаешься его въ этомъ заподозрить.

Но каково бы ни было его участіе въ составленіи Высочайшей резолюціи, это еще наименьшее изъ его прегрѣшеній. Съ незаслуженнымъ выговоромъ примириться легко. Нравственный укоръ падаетъ на тѣхъ, кто его даетъ, а не на тѣхъ, кто его получаетъ. Этимъ унижается только достоинство правительства. Несравненно хуже тѣ суровыя мѣры противъ учащейся молодежи, которыя были выработаны въ совѣщаніи управляющихъ различными учебными заведеніями министровъ, военнаго, финансовъ, земледѣлія, народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, и которыя получили Высочайшее утвержденіе. Не только за произведеніе безпорядковъ въ заведеніяхъ или внѣ оныхъ, но и за упорное уклоненіе, по уговору, отъ учебныхъ

занятій и за подстрекательство къ такому уклоненію, молодые люди присуждаются къ отбыванію воинской повинности, на срокъ отъ одного до трехъ лѣтъ, не смотря ни на льготы по семейному положенію, ни на избавляющій отъ повинности жребій, ни даже на недостаточный возрастъ, и притомъ съ потерею пріобрѣтенныхъ уже по образованію льготъ. Негодные для строевой службы назначаются въ нестроевыя должности. Впервые такая мѣра является въ видѣ общаго закона. Въ дореформенныя времена, виновныхъ, особенно въ политическихъ проступкахъ, отдавали иногда въ солдаты; но это были исключительные случаи и на это требовалось каждый разъ особое Высочайшее повелѣніе. Только крѣпостные отдавались въ рекруты по волѣ господъ. Со введеніемъ же всеобщей воинской повинности все это исчезло. Солдатская служба перестала быть карой; служеніе отечеству получило болѣе возвышенное и благородное значеніе. Въ настоящее время мы снова возвращаемся къ дореформеннымъ понятіямъ и пріемамъ; русская армія опять низводится на степень арестантской роты. Въ добавокъ, то, что прежде допускалось лишь какъ рѣдкое исключеніе, по личному рѣшенію монарха, то нынѣ возводится въ пра-

вило, приложеніе котораго предоставляется министрамъ. Для суда надъ провинившимися юношами учреждаются особыя совѣщанія изъ представителей разныхъ вѣдомствъ, и на рѣшеніе подлежащаго министра нѣтъ апелляціи. Судьба цѣлой массы молодыхъ людей, даже пріобрѣтенныя права, всецѣло предаются министерскому произволу. Къ довершенію безобразія, вся эта мѣра носитъ характеръ полнѣйшаго беззаконія. Она была просто объявлена Сенату министромъ Внутреннихъ Дѣлъ, тогда какъ, по основнымъ законамъ Русской Имперіи, для отмѣны законодательныхъ постановленій требуется Именной указъ, подписанный Государемъ. И вся эта жестокая расправа, напоминающая худшія преданія дореформеннаго быта, вводится при участіи и подъ отвѣтственностью министра Народнаго Просвѣщенія, вышедшаго изъ среды профессорскаго сословія, питомца Московскаго университета!!

Надобно впрочемъ сказать, что эти мѣры служили больше для устрашенія. Прилагать ихъ доселѣ не приходилось, ибо университеты, послѣ вакацій, открылись при полномъ спокойствіи. Всѣмъ исключеннымъ студентамъ дана была возможность вернуться къ занятіямъ, и поводы къ волненіямъ были такимъ образомъ устранены.

Надолго ли наступило затишье, мудрено сказать. Возстановить внѣшній порядокъ въ университетахъ, конечно, не трудно. Но воображать, что грубая полицейская расправа въ состояніи произвести нравственное умиротвореніе, можно только при отсутствіи всякаго понятія о свойствахъ и стремленіяхъ юношества. Подобныя мѣры способны только возстановить учащихъ и учащихся и сдѣлать ихъ непримиримыми врагами правительства. А между тѣмъ, у правительства нѣтъ инаго способа дѣйствія, ибо оно само разрушило корпорацію профессоровъ, единственное возможное орудіе нравственнаго вліянія. Не поражающими своею наивностью наставленіями инспекціи, не устройствомъ литературныхъ кружковъ и студенческихъ общежитій можно успокоить взволнованные умы. Для этого надобно прежде возстановить въ университетахъ нормальный порядокъ, то есть, возвратить имъ тѣ права, которыя принадлежатъ имъ по существу, и которыя были даны имъ старыми уставами 1804, 1835 и 1863 годовъ. Но, конечно, одержимымъ полицейскимъ духомъ министрамъ такая мѣра покажется крайнею. Пожалуй, ее сочтутъ даже уступкой студенческимъ волненіямъ. Кто на это рѣшится при нынѣшнемъ направленіи

правительственныхъ сферъ? Къ тому же, она одна не принесетъ желанной пользы. Чтобъ успокоить умы, нужно полное измѣненіе всей внутренней политики. Пока студенты всецѣло отданы на жертву всевозможнымъ тайнымъ и явнымъ полиціямъ, пока людей массами хватаютъ и ссылаютъ безъ суда, поводы къ волненіямъ всегда будутъ. Сохранится и тайная организація, и она будетъ встрѣчать сочувствіе общества, какъ протестъ противъ царящаго у насъ произвола. Русское общество не смѣетъ поднять голосъ, но оно въ тайнѣ сочувствуетъ тѣмъ, кто дерзаетъ его поднимать. Этимъ въ значительной степени объясняется успѣхъ нигилистовъ, и это будетъ повторяться постоянно, пока не наступитъ такой порядокъ вещей, который способенъ удовлетворить разумныя требованія общества. Когда русскій человѣкъ смотритъ на современное положеніе своего отечества, чувство глубокаго унынія и даже отчаянія охватываетъ его душу. Поэтому онъ съ нѣкоторымъ утѣшеніемъ останавливается на явленіяхъ, которыя показываютъ, что въ Россіи есть еще живыя силы и благородныя побужденія; этимъ поддерживааеться надежда на лучшее будущее. Какъ ни безсмысленны бываютъ волненія

и цѣли недоучившагося юношества, все же они несравненно выше и благороднѣе той тупой покорности, съ которою масса русскаго общества переноситъ тяготѣющій надъ нею произволъ, безмолвно принимая всякій новый ударъ, который постигаетъ его въ видѣ милости, и равнодушно относясь къ тѣмъ ударамъ, которые поражаютъ связанныя съ Россію народности.

Изъ всѣхъ странъ, подвластныхъ скиптру русскихъ царей, была одна, которая пользовалась полнымъ благоустройствомъ и благосостояніемъ; это была Финляндія. Между тѣмъ какъ въ настоящее время можно пройти всю русскую землю отъ Ледовитаго моря до Туркестанскихъ степей и не встрѣтить ни одного отраднаго явленія и ни одного довольнаго человѣка, кромѣ тѣхъ, которые, пользуясь покровительствомъ власти, ловятъ рыбу въ мутной водѣ, здѣсь люди жили мирно и счастливо, довольные своею судьбой и своими учрежденіями, благословляя охраняющую ихъ длань русскихъ монарховъ. Въ Россіи всюду произволъ и притѣсненіе, здѣсь законный порядокъ и свобода — вотъ контрастъ, который можно было наблюдать у самыхъ воротъ столицы. Онъ съ полною очевидностью доказывалъ преимущества конституціоннаго правленія

передъ неограниченной монархіей. Этого нельзя было терпѣть. Финляндія была бѣльмомъ на глазу у петербургской бюрократіи, и противъ нея начался походъ.

Конституціонныя права Финляндіи были утверждены на совершенно ясномъ и точномъ основаніи законовъ и никогда не подвергались ни малѣйшему сомнѣнію. До присоединенія къ Россіи она входила въ составъ шведскаго государства и пользовалась искони принадлежавшими шведскому народу политическими правами. Эти права существенно состояли въ участіи государственныхъ чиновъ, составленныхъ изъ представителей четырехъ сословій, дворянства, духовенства, горожанъ и сельчанъ, въ законодательствѣ и обложеніи. Одно время въ Швеціи преобладала аристократія, и это повело къ разстройству государства. Но при Густавѣ III монархическая власть была возстановлена въ прежней силѣ. Ея права и ея отношенія къ чинамъ были опредѣлены Формою Правленія 1772 года и Актомъ Соглашенія и Безопасности 1789 года.

Однако, съ тѣхъ поръ какъ русская держава придвинулась къ Балтійскому морю, положеніе Финляндіи между Швеціей и Россіей было трудное. Со временъ Петра Великаго она была

постояннымъ театромъ войны. Вслѣдствіе этого въ ней пробудилось стремленіе отдѣлиться отъ Швеціи и образовать самостоятельное, нейтральное государство. Русское правительство поддерживало эти вожделѣнія. Въ манифестѣ 1742 года, изданномъ по поводу войны съ Швеціей, Елисавета прямо обратилась съ воззваніемъ къ Финляндцамъ, объявляя имъ, что если они хотятъ отдѣлиться отъ Швеціи и образовать независимое государство, то Россія будетъ имъ въ этомъ помогать. При Екатеринѣ, во время Шведской войны, стремленіе къ отдѣленію проявилось при образованіи Аньяльской конфедераціи, составленной офицерами шведскаго войска противъ короля; она черезъ Спренгтпортена вошла въ сношенія съ русскимъ дворомъ. На его докладѣ Императрица собственноручно написала: „Еслибы проектъ независимости Финляндіи былъ вопросомъ, то отвѣтъ, что этотъ проектъ не противорѣчитъ интересамъ Россіи, не трудно было бы найти.“ Дѣло было предложено совѣщанію высшихъ сановниковъ, и оно постановило, что „такъ какъ соединеніе Финляндіи съ Швеціей никогда не можетъ быть въ нашихъ выгодахъ, то мы должны прежде всего требовать отдѣленія Финляндіи отъ этой страны.“ Однако, при Ека-

теринѣ эти сношенія не привели ни къ чему. Но Спренгтпортенъ, вступившій на русскую службу, продолжалъ свои происки при Александрѣ I. Онъ стремился образовать изъ Финляндіи особое государство, соединенное съ Россіей, и Александръ вошелъ въ эти виды, которые вполнѣ соотвѣтствовали его образу мыслей. Они осуществились послѣ войны съ Швеціей, повлекшей къ завоеванію Финляндіи.

Еще прежде окончанія войны въ Петербургъ были вызваны депутаты отъ всѣхъ чиновъ для обсужденія съ ними положенія дѣлъ и необходимыхъ мѣръ для устройства Финляндіи. Однако депутаты не сочли себя уполномоченными для какихъ либо рѣшеній. Они, а съ ними и Спренгтпортенъ, настаивали на созваніи настоящаго сейма, выбраннаго по законамъ страны. Спренгтпортенъ представлялъ, что это единственное средство привлечь къ себѣ сердца Финляндцевъ и привязать ихъ къ Россіи. Александръ согласился, такъ какъ это входило въ его виды; сеймъ былъ созванъ въ Борго. Въ манифестѣ 15 Марта 1809 года было сказано: „Произволеніемъ Всевышняго вступивъ въ обладаніе Великаго Княжества Финляндіи, признали Мы за благо симъ вновь утвердить и удостовѣрить религію, ко-

ренные законы, права и преимущества, коими каждое состоянiе сего Княжества въ особенности и всѣ подданные, оное населяющiе, отъ мала до велика, по конституцiямъ ихъ доселѣ пользовались, обѣщая хранить оные въ ненарушимой и непреложной ихъ силѣ и дѣйствiи; во утвержденiе чего и сiю грамоту собственноручнымъ подписанiемъ Нашимъ утвердить благоволили." Въ рѣчи, произнесенной при открытiи сейма, Александръ говорилъ: „Я хотѣлъ видѣть васъ, чтобы дать вамъ новое доказательство моихъ намѣренiй для блага вашего отечества. Я обѣщалъ сохранить вашу конституцiю, ваши коренные законы; ваше собранiе здѣсь гарантируетъ вамъ мое обѣщанiе." Въ предложенiяхъ, представленныхъ сейму, было сказано: „Е. И. Величество, сзывая чины Финляндiи въ общiй сеймъ, хотѣлъ этимъ дать торжественное доказательство своихъ великодушныхъ намѣренiй сохранить и поддержать ненарушимо религiю, законы, конституцiю края, права и привилегiи всѣхъ чиновъ вообще и каждаго гражданина въ особенности."

Александръ хотѣлъ еще болѣе торжественнымъ актомъ закрѣпить связь между Финляндiей и Россiей. Въ Боргосскомъ соборѣ, сидя на пре-

столѣ, украшенномъ финляндскимъ гербомъ, онъ принялъ присягу чиновъ. Въ церемоніалѣ было сказано (ст. 7): „Послѣ чего генералъ-губернаторъ объявитъ, что Е. И. Величество соизволилъ торжественно утвердить конституцію Финляндіи, освящая ее своею подписью; онъ громко прочтетъ Актъ Утвержденія и передастъ его маршалу дворянства.“ Присяга дворянства была такова: „Мы, рыцарство и дворянство, собранныя въ этомъ общемъ сеймѣ, какъ за насъ самихъ, такъ и за тѣхъ изъ нашего сословія, которые остались дома, обѣщаемъ и клянемся, всѣ вмѣстѣ и каждый въ особенности, передъ Богомъ и Святымъ Его Евангеліемъ, что мы признаемъ своимъ Государемъ Александра I, Императора и Самодержца всей Россіи, Великаго Князя Финляндскаго, и что мы хотимъ сохранить ненарушимо основные законы и конституціи края, такъ какъ они существуютъ и дѣйствуютъ, а также быть опорою Верховной Власти“ и проч.

Такимъ образомъ, еще до заключенія мира съ Швеціей, Александръ I торжественнымъ актомъ присоединилъ Финляндію къ Россіи, обѣщавъ сохранить ея права и ея конституцію. Поэтому, когда при мирныхъ переговорахъ шведскіе уполномоченные настаивали на томъ, чтобы

въ трактатъ включена была статья, гласящая, что Русскій Императоръ обязывается сохранить ненарушимыми права и конституцію Финляндіи, какъ обыкновенно дѣлается въ подобныхъ случаяхъ, то Румянцевъ отвѣчалъ, что тутъ положеніе совершенно иное, нежели обыкновенно, что Государь пріобрѣлъ уже любовь Финляндцевъ, принялъ ихъ присягу и утвердилъ ихъ права. „Этотъ аргументъ подѣйствовалъ," писалъ Румянцевъ Государю. Вслѣдствіе этого, въ 6-ой статьѣ Фридрихсгамскаго трактата сказано только, что „поелику Е. В. Императоръ Всероссійскій самыми несомнѣнными опытами милосердія и правосудія ознаменовалъ уже образъ правленія своего жителямъ пріобрѣтенныхъ имъ нынѣ областей, обезпечивъ, по единственнымъ побужденіямъ великодушнаго своего соизволенія, свободное отправленіе ихъ вѣры, права собственности и преимущества: то Его Шведское Величество тѣмъ самымъ освобождается отъ священнаго впрочемъ долга чинить о томъ въ пользу прежнихъ своихъ подданныхъ какія либо условія."

Стало быть, государственное положеніе Финляндіи потому только не сдѣлалось предметомъ международнаго обязательства, что ея конституція была уже утверждена русскимъ Импера-

торомъ. Если это было сдѣлано по собственному его соизволенію, то и присяга Финляндцевъ была привесена добровольно. Это было прямо сказано въ манифестѣ 23 Марта 1809 года: „Объавляя о семъ, Мы полагаемъ должнымъ вмѣстѣ съ тѣмъ извѣстить нашихъ вѣрныхъ подданныхъ Финляндіи, что основываясь на старинномъ и чтимомъ въ этомъ краѣ обычаѣ, мы взираемъ на присягу вѣрности, *добровольно и по собственному побужденію* принесенную сословіями вообще и депутатами отъ крестьянъ въ частности, за себя и за своихъ довѣрителей, какъ на дѣйствительную и обязательную для всѣхъ жителей Финляндіи.“ Александръ намѣренно подчеркивалъ, что Финляндія присоединяется къ Россіи не какъ завоеванный край, а какъ добровольно отдавшая себя въ подданство русскому Императору.

Рѣшено было сохранить и военныя учрежденія края. Въ изданномъ по этому поводу манифестѣ 15 Марта 1810 г. сказано: „Съ тѣхъ поръ какъ Провидѣніе ввѣрило намъ судьбу Финляндіи, Мы рѣшили править этою страною, какъ *народомъ свободнымъ,* пользующимся тѣми правами, которыя гарантированы ему его конституціею. . . . Всѣ акты, изданные доселѣ

для внутренняго управленія края, суть только послѣдствія и приложенія этого начала. Сохраненіе религіи и законовъ, созывъ сейма, учрежденіе Правительствующаго Совѣта внутри націи, ненарушимое сохраненіе порядка судебнаго и административнаго, суть тому доказательства, которыя должны упрочить финскому народу права его политическаго существованія.“

Учрежденный Александромъ Правительствующій Совѣтъ былъ впослѣдствіи переименованъ въ Сенатъ, дабы поставить его, какъ верховное государственное учрежденіе, на ряду съ Сенатами Русской Имперіи и Царства Польскаго. Въ изданномъ по этому поводу манифестѣ 1816 г. сказано: „Бывъ удостовѣрены, что конституція и законы, къ обычаямъ, образованію и духу финляндскаго народа примѣненные и съ давнихъ временъ положившіе основаніе гражданской его свободѣ и устройству, не могли бы быть ограничиваемы и отмѣняемы безъ нарушенія оныхъ, Мы, при воспріятіи царствованія надъ симъ краемъ, не только торжественнѣйше утвердили конституцію и законы сіи, съ принадлежащими, на основаніи оныхъ, каждому финляндскому согражданину особенными правами и преимуществами, но, по предварительномъ разсужденіи

о семъ съ собравшимися земскими сего края чинами, и учредили особенное Правительство, подъ названіемъ Правительствующаго Совѣта, составленнаго изъ коренныхъ Финляндцевъ, который доселѣ управлялъ гражданскою частью края сего и рѣшилъ судебныя дѣла, въ качествѣ послѣдней инстанціи, не зависѣвъ ни отъ какой другой власти, кромѣ власти законовъ и сообразующейся съ оными Монаршей Нашей воли. Таковыми мѣрами оказавъ наше доброе расположеніе, которое имѣли и впредь будемъ имѣть къ финляндскимъ вѣрноподданнымъ Нашимъ, надѣемся Мы, что довольно утвердили на всегдашнія времена данное Нами обѣщаніе о святомъ сохраненіи особенной конституціи края сего подъ державою Нашею и Наслѣдниковъ Нашихъ.“

Послѣ всего этого, кажется, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія для всякаго человѣка, который не хочетъ намѣренно закрывать глаза на истину, что Финляндія присоединена къ Россіи не какъ завоеванная область, а какъ отдѣльное государство, неразрывно связанное съ Россіей, но имѣющее свою особенную конституцію. Въ докладѣ Сперанскаго императору Александру по финляндскимъ дѣламъ отъ 11 Февраля 1811 г. прямо сказано: „Финляндія есть государство, а

не губернія.“ Поэтому и статья 4 Основныхъ Законовъ Русской Имперіи гласитъ: „Съ престоломъ Россійской Имперіи неразрывно связаны *престолы* Царства Польскаго и Великаго Княжества Финляндскаго.“ Это совершенно ясно и иначе быть не можетъ, ибо, хотя монархъ одинъ, но власть его въ обоихъ государствахъ разная: въ одномъ онъ является монархомъ неограниченнымъ, въ другомъ онъ ограниченъ конституціей и правами чиновъ. Образъ правленія, то есть устройство верховной власти, въ соединенныхъ государствахъ разный. Эта связь есть то, что въ государственномъ правѣ называется реальнымъ соединеніемъ. Всѣ возраженія, которыя дѣлаются противъ этого опредѣленія, на томъ основаніи, что въ настоящемъ случаѣ эти государства неравноправны, не имѣютъ силы, ибо реальное соединеніе, также какъ и конституціонная монархія, не есть устройство, которое подводится непремѣнно къ одному шаблону. Условія могутъ быть разныя; но существо отношеній не подлежитъ сомнѣнію: оно основано на самой буквѣ закона.

Вводя такое устройство въ завоеванной русскимъ оружіемъ странѣ, Александръ I руководствовался не одними либеральными убѣжденіями

своей молодости; онъ имѣлъ въ виду весьма опредѣленныя политическія цѣли: онъ хотѣлъ не только осчастливить покоренный народъ, но и соблюсти истинные интересы Россіи. Въ опубликованномъ Даніэльсономъ секретномъ рескриптѣ финляндскому генералъ-губернатору по вопросу объ отношеніяхъ къ Швеціи, сказано: „'ъ присоединеніемъ Финляндіи къ Россіи, вся цѣль нашихъ въ сей странѣ предположеній была достигнута. Два главныя правила отсюда проистекали: 1) чтобы не входить ни подъ какимъ видомъ во внутреннія дѣла Швеціи; 2) чтобъ внутреннимъ устройствомъ Финляндіи предоставить народу сему несравненно болѣе выгодъ въ соединеніи съ Россіею, нежели сколько онъ имѣлъ бы подъ обладаніемъ Швеціи. Изъ перваго правила произошло все поведеніе, какое въ дѣлахъ Швеціи доселѣ было наблюдаемо. Изъ втораго возникло то устройство, которое теперь въ Финляндіи дѣйствуетъ.“ И далѣе: „Намѣреніе Мое при устройствѣ Финляндіи состояло въ томъ, чтобы дать этому народу бытіе политическое, чтобы онъ считался не порабощеннымъ Россіи, но привязанныъ къ ней собственными его очевидными пользами; для сего: 1) сохранены ему

не только гражданскіе, но и политическіе его законы. . .“

История оправдала эту гуманную, а вмѣсто и дальновидную политику. Въ теченіи девяноста лѣтъ Финляндія соединена съ Россіей и во все это время она не подавала ни малѣйшаго повода къ политическимъ осложненіямъ. Еслибы въ двѣнадцатомъ году недовольная область стремилась вновь присоединиться къ Швеціи и русское правительство принуждено было бы держать тамъ большее или меньшее количество войска, то исходъ войны могъ быть иной. При Николаѣ I Финляндія была вовлечена въ Восточную войну во имя интересовъ совершенно ей чуждыхъ; она потеряла въ ней весь свой торговый флотъ, уничтоженный Англичанами; но это нисколько не поколебало ея вѣрности. Объ этомъ свидѣтельствовали русскіе монархи съ высоты престола, и это болѣе чѣмъ перевѣшиваетъ расточаемыя нынѣ клеветы, въ подкрѣпленіе которыхъ не приводится даже и тѣни доказательства.

Однако Александръ I, который, какъ извѣстно, во вторую половину своего царствованія измѣнилъ своимъ либеральнымъ стремленіямъ, не созывалъ болѣе сеймовъ, что производило застой

въ законодательствѣ. По финляндской конституціи, основанной на шведскихъ уставахъ, собраніе чиновъ предоставлялось вполнѣ усмотрѣнію Государя. Тоже самое продолжалось и въ долголѣтнее царствованіе Николая I. Возникавшія въ жизни потребности разрѣшались правительственными постановленіями. Всякому, нѣсколько знакомому съ государственнымъ правомъ, извѣстно, что различіе между закономъ и постановленіемъ весьма шатко, вслѣдствіе чего сильныя правительства нерѣдко дозволяютъ себѣ рѣшать путемъ постановленій то, что по существу дѣла должно было бы рѣшаться закономъ. Финляндская же конституція въ этомъ отношеніи предоставляла монарху значительный просторъ: вся экономическая и административная область могла регламентироваться путемъ указовъ. Тѣмъ не менѣе, основанія финляндской конституціи, утвержденной Императоромъ, даже и въ это деспотическое царствованіе оставались неприкосновенными. Финляндскіе писатели напоминаютъ слова, сказанныя въ другомъ случаѣ этимъ монархомъ: „Когда божественное Провидѣніе поставило человѣка во главѣ шестидесяти милліоновъ себѣ подобныхъ, то это дѣлается затѣмъ, чтобы подавать свыше примѣръ вѣрности своему слову и

добросовѣстнаго исполненія своихъ обѣщаній.“ Объ этихъ словахъ не дурно бы поразмыслить въ настоящее время. Могучій властитель противостоялъ даже искушеніямъ тогдашняго финляндскаго генералъ-губернатора Закревскаго, который убѣждалъ его, при вступленіи на престолъ, не утверждать финляндской конституціи, а заставить Финляндцевъ присягать по русскому закону. Онъ зналъ, что такое дѣйствіе было бы нарушеніемъ закона и торжественныхъ обѣщаній Александра I. Оно было бы равносильно отреченію отъ финляндскаго престола, и тогда отношенія Финляндіи къ Россіи опредѣлялись бы голымъ правомъ силы.

Знаменательное для Россіи царствованіе Александра II было и для Финляндіи началомъ новой жизни. Въ первый разъ послѣ 1809 года снова былъ созванъ сеймъ. Этимъ не только подвигалось рѣшеніе многихъ важныхъ дѣлъ, требовавшихъ содѣйствія чиновъ, на что было указано въ изданномъ по этому поводу Высочайшемъ повелѣніи, но Государь хотѣлъ, передъ лицемъ всей Европы, показать, что если онъ въ тоже самое время подавлялъ польское возстаніе, то онъ дѣлалъ это не какъ врагъ свободы народовъ. Онъ хотѣлъ выказать себя другомъ кон-

ституціонныхъ учрежденій, когда они являются не какъ революціонное требованіе, а какъ законный порядокъ вещей, согласный съ истинными интересами народа. Въ рѣчи, сказанной при открытіи сейма, онъ обѣщалъ даже расширеніе конституціонныхъ правъ: „сохраняя *монархическій конституціонный принципъ,* присущій нравамъ Финляндскаго народа, и отъ котораго всѣ его законы и учрежденія носятъ свой отпечатокъ,“ говорилъ великодушный монархъ, „Я намѣренъ допустить и болѣе широкое право, нежели то, которое доселѣ имѣютъ чины относительно податнаго обложенія и законодательнаго почина, издревле имъ принадлежавшаго“ . . . „Вы, представители Великаго Княжества,“ заключалъ онъ, „должны доказать, достоинствомъ, умѣренностью и спокойствіемъ вашихъ совѣщаній, что въ рукахъ разумнаго народа, рѣшившагося работать, въ согласіи съ Государемъ, въ практическомъ духѣ, надъ развитіемъ своего благосостоянія, либеральныя учрежденія не только не представляютъ опасности, но становятся гарантіями порядка и благосостоянія.“ Представители Финляндіи вполнѣ оправдали эти надежды.

Важнѣйшимъ расширеніемъ правъ было уста-

новленіе періодичности сеймовъ. По 2-й статьѣ изданнаго въ 1869 году Сеймоваго Устава, они должны созываться по крайней мѣрѣ каждый пятый годъ. Статьею 71 того же Устава постановлено, что основные законы страны могутъ быть измѣняемы не иначе, какъ по предложенію Государя и съ согласія всѣхъ сословій, а въ утвержденіи Устава сказано, что Государь сохраняетъ за собою принадлежащее ему право въ томъ видѣ, какъ оно установлено въ Формѣ Правленія 1772 года и въ Актѣ Соглашенія и Безопасности 1789 года, чѣмъ самымъ оба эти закона признаны основными законами Финляндіи.

При Александрѣ II, въ 1878 году, проведенъ былъ и новый законъ о воинской повинности, замѣнившій прежнюю устарѣлую помѣстную систему. Какъ водится при переговорахъ, это было сдѣлано на основаніи обоюдныхъ уступокъ. Финляндія обязалась содержать 5000 постояннаго мѣстнаго войска для защиты края. Изъ 134 статей этого устава, 14, по ходатайству чиновъ, были признаны основными законами Великаго Княжества, такъ какъ ими отмѣнялся прежній основной законъ. Остальное подлежало измѣненію въ обыкновенномъ законодательномъ порядкѣ, то есть, не съ согласія

всѣхъ четырехъ сословій, а большинствомъ трехъ.

Расширеніе права законодательнаго почина, обѣщанное Александромъ II, не было однако приведено имъ въ исполненіе; но это было сдѣлано его преемникомъ, который въ этомъ отношеніи слѣдовалъ по стопамъ отца. Казалось, конституція и права Финляндіи, утвержденныя всѣми слѣдовавшими другъ за другомъ монархами, покоятся на самыхъ твердыхъ основаніяхъ. Если царское слово что нибудь значитъ, то въ этомъ случаѣ оно должно было имѣть полную силу, ибо не было ни малѣйшаго повода къ нарушенію торжественныхъ, съ высоты престола данныхъ обѣщаній. Мирная страна, подъ сѣнью своихъ законовъ, не смотря на свою скудную природу и суровый климатъ, пользовалась полнымъ внутреннимъ порядкомъ и довольствомъ. При восшествіи на престолъ нынѣ царствующаго Государя, ея права были вновь подтверждены, также какъ и при всѣхъ предшественникахъ, какъ вдругъ произошелъ неожиданный поворотъ.

Походъ противъ Финляндіи предпринятъ былъ еще въ царствованіе Александра III и, вопреки русскимъ обычаямъ, онъ начался съ тяжеловѣснаго сочиненія. Г. Ординъ, произведенный

за это въ придворный чинъ, издалъ объемистое изслѣдованіе о завоеваніи Финляндіи и о томъ положеніи, которое было дано ей Александромъ I. Повидимому, оно основывалось на архивныхъ документахъ; но въ дѣйствительности это было не только крайне пристрастное, но и прямо лживое изложеніе, съ умолчаніемъ однихъ фактовъ, превратнымъ толкованіемъ другихъ и извращеннымъ представленіемъ третьихъ. Тѣмъ же менѣе, Академія Наукъ признала это сочиненіе достойнымъ преміи, чѣмъ взяла на себя тяжелый грѣхъ передъ отечествомъ и исторіей. За г. Ординымъ послѣдовалъ г. Еленевъ и вся ватага раболѣпствующихъ журналистовъ, для которыхъ весь смыслъ патріотизма заключается въ насиліи и притѣсненіи другихъ. Доказывали, что Финляндія вовсе не есть соединенное съ Россіей государство, имѣющее свою особенную конституцію, а просто завоеванная провинція, получившая нѣкоторыя права отъ милости русскихъ монарховъ, которые всегда могутъ отнять то, что они дали. Всенародно объявленныя этими монархами завѣренія и обѣщанія ставились ни во что. Самые русскіе основные законы или вовсе игнорировались или толковались, какъ неловкая редакція. Увѣряли, что подъ именемъ коренныхъ законовъ

Финляндіи русскіе государи, ихъ утверждавшіе, разумѣли вовсе не политическія учрежденія, а лишь законы гражданскіе, церковные и административные. Только Финляндцы лживымъ толкованіемъ пытались вывести отсюда какія-либо политическія права. Когда Александръ I и его преемники торжественно утверждали всѣ права сословій, то въ это не включалось право участія въ законодательствѣ и въ обложеніи; путемъ іезуитскаго умолчанія подразумѣвалось: всѣ права, *кромѣ* политическихъ. Пытались установить совершенно нелѣпое и безсмысленное различіе между коренными и основными законами, между конституціями и конституціей. Когда же наконецъ никакія толкованія не помогали, ибо текстъ былъ совершенно очевидный, тогда прибѣгали къ послѣдней уловкѣ: увѣряли, что русскіе государи были *обмануты* и сами не знали, что подписывали, хотя для подобныхъ нареканій никогда не представлялось и тѣни доказательства. И русскіе цари и ихъ совѣтники, какъ Сперанскій и даже Аракчеевъ, изображались въ видѣ куколъ въ рукахъ иноземныхъ интригановъ, единственно потому, что у нихъ были болѣе возвышенныя понятія о призваніи государства и объ интересахъ Россіи, нежели тѣ, которыя бродятъ въ головахъ нашихъ

холопствующихъ публицистовъ. Тѣ самые люди, которые ложь и клевету сдѣлали главнымъ орудіемъ своихъ дѣйствій, обвиняли во лжи и обманѣ ни въ чемъ неповинныхъ Финляндцевъ, которые искренно приняли дары русскихъ монарховъ и свято соблюдали данную имъ присягу вѣрности.

Какъ ни безстыдна была эта кампанія, она возимѣла свое дѣйствіе: „Calomniez, calomniez toujours; il en restera quelque chose.“ Многіе русскіе государственные люди, иные сознательно, другіе безсознательно, усвоили себѣ эту точку зрѣнія, которая приходилась имъ совершенно по вкусу, ибо главнымъ предметомъ ихъ ненависти былъ конституціонный порядокъ, полагающій предѣлъ бюрократическому произволу. Благоустройство Финляндіи, подъ охраною закона, было живымъ укоромъ тому безконтрольному владычеству чиновничества, которое извратило всѣ лучшія созданія Царя-Освободителя. Уже при Александрѣ III назначенъ былъ комитетъ для разсмотрѣнія отношеній Финляндіи къ Россіи. Однако онъ остался безъ послѣдствій. Не смотря на свою склонность къ реакціи, монархъ былъ честный человѣкъ. Онъ понималъ, что нарушеніе торжественно даннаго обѣщанія будетъ для него

вѣчнымъ упрекомъ. Притомъ окружающіе нѣсколько его побаивались и не смѣли приступать къ нему съ явно лживыми объясненіями. Но по вступленіи на престолъ Николая II они увидѣли, что неопытнаго монарха можно подвинуть на что угодно, увѣривъ его, что это необходимо для пользы Россіи и для возвеличенія самодержавія. Рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ.

Какъ приготовленіе къ замышляемому дѣйствію, генералъ-губернаторомъ Финляндіи назначенъ былъ генералъ Бобриковъ, который съ перваго же шага объявилъ Финляндцамъ, что отечество ихъ вовсе не Финляндія, а Россія. Повидимому, для генерала Бобрикова отечество есть нѣчто такое, что мѣняется по приказанію начальства. Онъ этимъ себя обезсмертилъ. Нужды нѣтъ, что въ Уставѣ о воинской повинности, въ статьѣ 123, сказано, что „военныя силы Финляндіи имѣютъ цѣлью защищать Престолъ и Отечество, и тѣмъ содѣйствовать также и защитѣ Имперіи,“ чѣмъ самымъ признается, что ихъ отечество вовсе не Россія, а Финляндія. Для русскаго генерала законъ имѣетъ столь же мало значенія, какъ и самыя святыя человѣческія чувства: приказано мѣнять отечество, такъ слушайся и не разсуждай.

Наконецъ, какъ ударъ грома, послѣдовалъ манифестъ 3-го Февраля 1899 года, которымъ для общихъ дѣлъ Имперіи и Великаго Княжества, установляется особый законодательный порядокъ. Всѣ такого рода дѣла должны, съ заключеніемъ Сейма, поступать на разсмотрѣніе русскаго Государственнаго Совѣта, и затѣмъ, мнѣніе утвержденное Государемъ публикуется во всеобщее свѣдѣніе. Этимъ сразу ниспровергались всѣ торжественно утвержденныя права Финляндскаго народа. По финляндской конституціи, ни одинъ законъ, касающійся Финляндіи, не можетъ быть измѣненъ безъ согласія Сейма. Для измѣненія основныхъ законовъ нужно согласіе всѣхъ четырехъ сословій. А здѣсь отъ нихъ требуется только заключеніе, которое поступаетъ на дальнѣйшее обсужденіе въ русское учрежденіе съ чисто совѣщательнымъ характеромъ, послѣ чего Государь можетъ утвердить все, что ему угодно. Такъ какъ, притомъ, самое опредѣленіе дѣлъ общихъ Имперіи и Великому Княжеству совершенно зависитъ отъ воли монарха, и подъ эту рубрику можно подвести всѣ отрасли управленія, и военныя дѣла, и торговыя, и монету, и почту, то понятно, что отъ конституціонныхъ гарантій не остается ничего. Огра-

ниченная монархія превращается въ неограниченную.

Несчастная страна застонала. Всѣ ея вѣковыя права, которыми она дорожила, какъ святыней, которыя составляли основу ея благосостоянія, ниспровергались разомъ. Она мирно покоилась подъ державою русскихъ царей, полагаясь на самыя торжественныя, съ высоты престола данныя обѣщанія, и вдругъ все это оказалось призракомъ. Почва заколебалась подъ ногами; всѣ залоги общественнаго благоустройства, прочнаго порядка и мирнаго развитія исчезли. Финляндскій Сенатъ, перевѣсомъ одного голоса, рѣшилъ обнародовать манифестъ, но сдѣлалъ представленіе о его незаконности, а прокуроръ предъявилъ протестъ. Раздались протесты и со стороны чиновъ. Предсѣдатели собраній просили аудіенціи у Государя, но имъ было въ этомъ отказано. По всей Финляндіи начали собирать адресъ, подъ который подписались 523000 человѣкъ; для поднесенія его съѣхались въ Петербургъ депутаты отъ всѣхъ общинъ; но и ихъ отправили домой, не допустивши до царя. Какъ противодѣйствіе этой всенародной манифестаціи нашли въ Выборгской губерніи общину, состоящую изъ 1500 человѣкъ,

въ которой надѣялись набрать подписи подъ вѣрноподданическій адресъ. Ихъ получили всего 7, но затѣмъ, всякими средствами, наверстали еще нѣкоторое число; тѣмъ не менѣе, эту подложную бумагу публиковали, какъ выраженіе мнѣнія цѣлой общины, которой за это изъявлена Высочайшая благодарность. Наконецъ, въ Петербургъ явилась даже международная депутація съ адресомъ въ пользу Финляндіи; разумѣется, и ее отказались принять. Если не хотѣли слушать подданныхъ, то тѣмъ болѣе иностранцевъ.

Однако петербургское правительство не имѣло довольно мужества, чтобы сознаться, что оно царское слово ставитъ ни во что. Къ насилію присоединилось лицемѣріе. Людей раздавили, но ихъ хотѣли увѣрить, что ихъ вовсе не трогаютъ, и что всѣ ихъ жалобы напрасны. Генералъ Бобриковъ разослалъ циркуляръ, въ которомъ онъ разъяснялъ населенію, что никто не думалъ нарушать финляндскую конституцію, что всѣ подобныя толкованія суть лживые происки злонамѣренныхъ людей, которые стараются распространить въ народѣ мнѣніе, будто всѣ законы, гражданскіе, церковные, административные и самое право собственности подвергаются опасности, между тѣмъ какъ всѣ мѣстные законы

Финляндіи остаются ненарушимыми и только для дѣлъ общихъ Финляндіи и Имперіи установлены новыя правила. Хорошо это *только!* Кого можно было этимъ морочить? Конечно, не Финляндцевъ, которые очень хорошо знали, что всѣ эти увѣренія состоятъ въ явномъ противорѣчіи съ истиной. Тѣмъ не менѣе, этотъ циркуляръ получилъ одобреніе свыше. Государя, очевидно, увѣрили, что манифестомъ 3-го Февраля вовсе не нарушается финляндская конституція. Это убѣжденіе выразилось и въ Высочайшемъ рескриптѣ генералъ-губернатору, изданномъ по закрытіи сейма. Въ немъ дѣлается строгій выговоръ ландмаршалу и тальманамъ, которые дозволили себѣ неумѣстныя сужденія о принятыхъ мѣрахъ. Генералъ-губернатору поручается объявить во всеобщее свѣдѣніе, что сужденія эти неправильны и не соотвѣтствуютъ положенію дѣлъ, при коемъ Финляндія есть составная часть государства россійскаго, съ нимъ нераздѣльная. „Я желаю также,“ сказано далѣе, „чтобы финскому народу было извѣстно, что принявъ при восшествіи на Престолъ священный долгъ пещись о благѣ всѣхъ народностей, Россійской Державѣ подвластныхъ, Я призналъ за благо сохранить за Финляндіей особый строй внутренняго зако-

нодательства, дарованный ей Моими Державными Предками. Въ тоже время Я принялъ на Себя, какъ наслѣдіе прошлаго, заботу объ опредѣленіи, силою положительнаго закона, отношеній Великаго Княжества къ Россійской Имперіи. Въ этихъ видахъ Мною утверждены основныя положенія 3-го Февраля сего года, опредѣляющія правила объ изданіи общегосударственныхъ законовъ, касающихся Финляндіи.“ Этотъ порядокъ объявляется непоколебимымъ и впредь.

Между тѣмъ, никогда предшествующіе государи не присвоивали себѣ права, по собственному усмотрѣнію, силою положительнаго закона опредѣлять отношенія Финляндіи къ Имперіи. Эти отношенія были опредѣлены Императоромъ Александромъ I за себя и за своихъ преемниковъ и утверждались затѣмъ всѣми послѣдующими монархами. Они состоятъ въ томъ, что Финляндія составляетъ отдѣльное государство, соединенное съ Русской Имперіей, но имѣющее свое особую конституцію и свое особое законодательство. Въ силу этой конституціи, ни одинъ законъ, касающійся Финляндіи, не можетъ быть изданъ безъ согласія чиновъ. Присвоеніе себѣ такой власти русскимъ Императоромъ есть прямое нарушеніе съ самаго начала установленнаго и

нмъ самимъ подтвержденнаго права. Это совершенно очевидно для всякаго, кто не хочетъ намѣренно закрывать глаза на истину. Газета „Таймсъ", приводя эти объясненія, говоритъ, что они могутъ быть пригодны для погруженныхъ въ варварство мужиковъ или для классовъ, которые не смѣютъ думать изъ опасенія тайной полиціи, но въ образованныхъ странахъ они могутъ вызвать только улыбку презрѣнія.

Финляндская и русская печать, разумѣется, не смѣли поднять голоса. Въ Финляндіи генералъ-губернаторъ объявилъ, что онъ будетъ прилагать самыя строгія наказанія къ тѣмъ, кто осмѣлится толковать мѣры правительства въ ихъ истинномъ смыслѣ. Въ этомъ отношеніи финляндскіе законы предоставляютъ администраціи полный просторъ. Многія газеты закрыты, другія принуждены молчать. О русской печати и говорить нечего. *Вѣстникъ Европы* получилъ заднимъ числомъ предостереженіе за статью, напечатанную за нѣсколько мѣсяцевъ до манифеста, въ которой г. Мехелинъ доказывалъ, что при ходатайствѣ о внесеніи въ основные законы Финляндіи нѣкоторыхъ статей Устава о воинской повинности 1878 года никакого обмана не происходило. Предостереженіе было дано за простое

возстановленіе фактической истины, искаженной нашими финнофобами. Зато послѣднимъ предоставлена была полная свобода, и они съ яростью накинулись въ особенности на рѣчи, произнесенныя на сеймѣ, объявляя ихъ неслыханною дерзостью, оскорбительною для русскаго чувства. Дѣйствительно, привыкшимъ къ раболѣпному жаргону нашихъ оффиціальныхъ адресовъ благородный языкъ свободныхъ людей, сознающихъ свое достоинство и свое право, долженъ казаться неслыханною дерзостью. Но для русскаго чувства, не холопскаго, а здороваго, это не оскорбительно, а отрадно. Такой языкъ можетъ служить намъ поученіемъ.

Систематическое разсѣваніе лжи не могло однако успокоить населеніе, которое хорошо знаетъ и понимаетъ истинное положеніе дѣлъ. Чтобы вѣрнѣе достигнуть цѣли, старались его разъединить, приманивъ къ русскому правительству бѣднѣйшую часть народа. Вдругъ оказалось, что въ Финляндіи есть значительная часть безземельныхъ крестьянъ, о судьбѣ которыхъ доселѣ никто не заботился. Велѣно было изъ избытковъ финляндской кассы ежегодно отчислять два милліона марокъ для надѣленія ихъ землею. Едва ли однако эта макіавелическая мѣра въ

состоянии будетъ привязать Финновъ къ русскому владычеству; они слишкомъ хорошо понимаютъ, чѣмъ она вызвана и къ чему она клонится. Возбужденнаго національнаго чувства она не побѣдитъ, а скорѣе заставитъ богатыхъ и бѣдныхъ, Финновъ и Шведовъ, тѣснѣе сплотиться противъ притѣсняющей ихъ власти. Не достигнетъ цѣли и организованная генераломъ Бобриковымъ обширная система шпіонства. Русскихъ шпіоновъ, разсылаемыхъ по всей странѣ въ видѣ странствующихъ торговцевъ, населеніе не хочетъ принимать, и казна принуждена кормить ихъ на свой счетъ. Всѣ эти мѣры, имѣющія въ виду развратить народъ, съ тѣмъ чтобы вѣрнѣе его скрутить, падаютъ только на тѣхъ, кто ихъ издаетъ. Финляндія, безъ сомнѣнія, будетъ сокрушена въ неравномъ спорѣ. Что можетъ маленькая страна противъ безграничной власти, управляющей ста тридцатью милліонами людей? Условія теперь иныя, нежели при борьбѣ Грековъ съ Персами и Нидерландовъ противъ Испаніи. Цивилизація въ этомъ отношеніи подвинула человѣчество не впередъ, а назадъ. При господствѣ грубой силы въ современномъ мірѣ, всюду, на Сѣверѣ и на Югѣ, въ Трансваалѣ, какъ и въ Финляндіи, раздается одинъ

крикъ: горе слабымъ! Тѣмъ не менѣе, право носитъ въ себѣ нравственную силу, которая не нарушается безнаказанно. Единодушную стойкость народа, который дорожитъ своими правами, не легко превозмочь. Окончательно побѣдителемъ выходитъ тотъ, кто умѣетъ выдержать до конца.

Спрашивается: для кого и для чего нужна была вся эта система насилія и лжи? Требовалась ли она интересами Россіи? Но интересъ Россіи состоитъ, прежде всего, въ томъ, чтобы привязать къ себѣ подвластныя народности, а не въ томъ, чтобы отталкивать ихъ отъ себя и дѣлать ихъ себѣ врагами. Такъ понимали этотъ интересъ Александръ I и всѣ его преемники. Задача состояла въ томъ, чтобы поставить покоренную страну въ такое положеніе, чтобы ей выгодно было оставаться въ соединеніи съ Россіей, а не стремиться къ отторженію. Какія бы сплетни и розсказни ни ходили о нерасположеніи Финляндцевъ къ Русскимъ, нерасположеніи, которое естественно вызывается опасеніемъ быть поглощенными русскимъ колоссомъ и можетъ только усилиться принимаемыми въ этомъ смыслѣ мѣрами, дѣло вовсе не въ этихъ частныхъ отношеніяхъ, весьма впрочемъ разнообразнаго свой-

ства, а въ томъ, что собственный интересъ Финляндцевъ побуждаетъ ихъ держаться связи съ Имперіей. Еслибы въ нихъ проявлялись революціонныя стремленія, то насильственное ниспроверженіе права могло бы найти себѣ нѣкоторое оправданіе. Но ничего подобнаго нѣтъ; самые злые ихъ враги этого не утверждаютъ. Подъ скиптромъ русскихъ царей Финляндія благоденствовала и, согласно съ характеромъ народа, всегда оставалась вѣрна своему долгу. Объ этомъ неоднократно свидѣтельствовали сами русскіе государи. Александръ III, который вовсе не благоволилъ къ иноплеменникамъ и стремился къ обрусенію окраинъ, жаловалъ Финляндцевъ. Онъ любилъ ѣздить въ финляндскія шхеры, заѣзжалъ въ Гельсингфорсъ, и студенты дѣлали ему оваціи. Единственное желаніе Финляндіи состоитъ въ томъ, чтобы ея не трогали и позволили ей мирно развиваться подъ охраною учрежденій, дарованныхъ ей русскими царями. Зачѣмъ же нужно было всю эту мудрую и съ такимъ постоянствомъ, въ теченіи почти цѣлаго вѣка, поддержанную политику опрокидывать разомъ, вносить смуту и разстройство въ мирную страну, дѣлать себѣ изъ Финляндцевъ враговъ и заставлять ихъ, волею или неволею, видѣть въ

Россіи притѣснителя и обращать свои взоры въ другую сторону? Этого ли требуютъ выгоды русскаго государства? Можно сказать, что такая перемѣна политики не только не вызывается интересами Россіи, а идетъ имъ прямо на перекоръ. Тѣ, которые подвинули Царя на такой способъ дѣйствія, обнаружили полное отсутствіе политическаго смысла.

У Россіи есть и другой интересъ, еще важнѣйшій — интересъ нравственный. Счастье подчиненныхъ ея державѣ народовъ возвышаетъ ея нравственное достоинство; Финляндія была лучшимъ перломъ въ ея вѣнцѣ. Но еще важнѣе для нея то, чтобы на данныя отъ ея имени обѣщанія можно было положиться, какъ на твердыню, чтобы царское слово не было пустымъ звукомъ, а внушало бы къ себѣ непоколебимое довѣріе, не только посторонних, но прежде всего подвластныхъ. Выше были приведены слова Николая I. Между тѣмъ, все это въ глазахъ властвующей бюрократіи не имѣетъ никакого вѣса. Для сановниковъ, нынѣ стоящихъ во главѣ управленія, играть царскимъ словомъ, подрывать къ нему всякое довѣріе, подвергать честь Россіи поношенію, ровно ничего не значитъ. Въ дѣлѣ Дервиза это презрѣніе къ самымъ элементар-

нымъ требованіямъ нравственнаго закона выразилось только въ притѣсненіи частнаго лица; здѣсь оно коснулось престола и отечества. Когда монархи отдаютъ себя въ руки людей, для которыхъ правда и неправда, истина и ложь, совершенно безразличны, это рано или поздно отражается на нихъ самихъ.

Но, можетъ быть, военныя соображенія требуютъ этой ломки? Для оцѣнки этого аргумента достаточно указать на то, что пятитысячное финляндское войско, въ сравненіи съ русскимъ, представляетъ каплю въ морѣ. Каково бы ни было его устройство, ниспровергать изъ за этой бездѣлицы весь существующій порядокъ есть опять таки совершенная нелѣпость. Россія имѣетъ въ Финляндіи одинъ интересъ: это — для нея военная позиція. Этотъ интересъ вполнѣ удовлетворяется тѣмъ, что она всегда можетъ занимать важнѣйшіе пункты и въ случаѣ войны ввести, сколько угодно, русскаго войска. Въ этомъ отношеніи желать больше нечего. Нынѣшнее устройство финляндскаго войска основано на уставѣ, предложенномъ сейму самимъ русскимъ правительствомъ и утвержденномъ Государемъ, слѣдовательно оно приноровлено къ потребностямъ Россіи. Тѣ, которые видятъ высшую

государственную мудрость въ однообразіи, могутъ считать отдѣльное мѣстное войско такою аномаліей, которую слѣдуетъ во что бы ни стало уничтожить; но истинно государственный человѣкъ, который знаетъ, что политика состоитъ, прежде всего, въ умѣніи примѣняться къ разнообразію обстоятельствъ и въ особенности щадить существующіе интересы, конечно, не увлечется такого рода соображеніями. Указываютъ на то, что Финляндія несетъ гораздо меньшія военныя тягости, нежели Россія; но не хотятъ знать, что Финляндія не есть Россія. Она не играетъ роли великой державы, а потому несправедливо было бы налагать на нее то бремя, которое русскій народъ несетъ для поддержанія своего историческаго значенія. Предложенное русскимъ правительствомъ уравненіе повинности, притомъ съ возложеніемъ увеличенныхъ расходовъ на средства бѣдной страны и съ подчиненіемъ финскихъ войскъ полному произволу русскаго военнаго министра, есть высшая степень неправды. Если хотятъ увеличенія военной повинности въ сносныхъ размѣрахъ и, вообще, если требуются частныя измѣненія въ уставѣ, то этого можно достигнуть законнымъ путемъ, безъ ниспроверженія существующихъ учрежденій. Со-

званный по этому случаю финляндскій сеймъ въ своемъ предложеніи возвысилъ количество войска съ 5000 до 12, чтó для бѣдной страны составляетъ весьма тяжелое бремя. Сліяніе же финляндскаго войска съ русскимъ путемъ насилія и беззаконія можетъ повести къ результатамъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, которые ожидаются отъ подобной мѣры. Если желаютъ имѣть въ финляндскомъ войскѣ крѣпкую поддержку противъ вторженія непріятеля, то надобно, прежде всего, чтобы Финляндія была довольна, а принятыя мѣры направлены къ тому, чтобы возбудить всеобщее неудовольствіе. Хотятъ имѣть надежное и преданное войско и дѣлаютъ все, чтобы подорвать эту преданность. Съ какой стороны ни возьми вопросъ, кромѣ полнаго хаоса мыслей тутъ ничего не найдешь.

Нѣтъ, не государственныя потребности и не военныя соображенія вызвали тѣ странныя мѣры, которыя разгромили несчастную страну и внесли печаль въ сердца мирныхъ гражданъ. Корень ихъ лежитъ въ той ненависти, которую бездушные бюрократы, раболѣпствующіе сановники и генералы, ничего не знающіе, кромѣ кулачной расправы, питаютъ ко всякому законному порядку, ко всякимъ гарантіямъ права, ко всякимъ огра-

ниченіямъ произвола. Благоустроенная Финляндія была имъ нестерпима; надобно было, во что ни стало, ее раздавить — и ее раздавили. Скорбью и стыдомъ наполняется сердце русскаго человѣка, когда передъ его глазами развертывается эта печальная картина; но еще болѣе оно проникается неизмѣримою жалостью къ юному вѣнценосцу, опутанному сѣтью лжи, вовлеченному на такой путь, изъ котораго нѣтъ исхода. Чѣмъ смоетъ онъ то пятно, которое онъ, по невѣдѣнію, налагаетъ на себя и на отечество?

Съ этимъ пятномъ Россія вступаетъ въ двадцатый вѣкъ. Что сталось съ тѣмъ подъемомъ духа, съ тѣми великими надеждами, съ которыми она встрѣтила преобразованія Царя-Освободителя? Все это разлетѣлось въ прахъ. Къ счастью, крѣпостнаго права уже не вернешь; это одно, что подаетъ надежду на лучшее будущее. Но если Россія уже не клеймена игомъ рабства, то по прежнему она, какъ и въ дореформенное время,

Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна.

Бѣдная Россія! А сколько въ ней было хорошихъ силъ! Сколько благородныхъ стремленій!

И какъ, въ сущности, легко было бы правительству, понимающему свое призваніе, править этимъ добрымъ, умнымъ, податливымъ, но вмѣстѣ энергическимъ и даровитымъ народомъ! Нужно только, чтобы оно покровительствовало не тому, что есть въ немъ худшаго, а тому, что есть лучшаго, не раболѣпству и угодничеству, а здоровымъ и независимымъ элементамъ. Нынѣшняя политика есть повтореніе политики дореформеннаго времени; она неизбѣжно приведетъ къ тѣмъ же результатамъ: сперва къ умственному и нравственному пониженію общественнаго уровня, что уже наступило, а затѣмъ къ какой нибудь катастрофѣ, которая выбьетъ Россію изъ ложной колеи, въ которую она застряла, и заставитъ ее снова вступить на правильный путь закономѣрнаго развитія.

Но катастрофа, во всякомъ случаѣ, есть дѣло случайное. Она можетъ быть близкая или отдаленная; она можетъ быть вызвана внутренними смутами или внѣшними событіями: все это — тайна исторіи. Задача мыслящей части русскаго общества состоитъ въ томъ, чтобы заранѣе приготовиться къ лучшему порядку вещей. Надобно выяснить себѣ настоящее положеніе дѣлъ, знать, чего слѣдуетъ желать и къ чему идти. Въ

дореформенное время лучшіе умы намѣтили уже всю программу будущихъ преобразованій; поэтому они и совершились легко. Обязанность мыслящихъ людей въ настоящее время состоитъ въ томъ, чтобы точно также выяснить себѣ и обществу назрѣвшія задачи русской жизни.

Эти задачи уже не тѣ, которыя предстояли въ дореформенное время. То, что тогда намѣчалось, теперь уже совершено. Исправить искаженія и возвратиться къ нормальному порядку вещей не представляло бы большой трудности; но надобно ясно уразумѣть, при какихъ условіяхъ это возможно, а для этого нужно знать, гдѣ лежитъ главная причина зла.

Для всякаго мыслящаго наблюдателя современной русской жизни очевидно, что главное зло, насъ разъѣдающее, заключается въ томъ безграничномъ произволѣ, который царствуетъ всюду, и въ той сѣти лжи, которою, сверху до низу, опутано русское общество. Корень того и другаго лежитъ въ бюрократическомъ управленіи, которое, не встрѣчая сдержки, подавляетъ всѣ независимыя силы и, болѣе и болѣе захватывая власть въ свои руки, растлѣваетъ всю русскую жизнь. Это — зло стародавнее, но казалось, что мы нашли изъ него выходъ. Великое значеніе пре-

образованій Александра II заключалось именно въ томъ, что устроя русское государство на новыхъ для него началахъ свободы и права, они давали общественнымъ силамъ возможность стать на свои ноги. Эти преобразованія обнимали однако не всѣ стороны государственной жизни. Между тѣмъ какъ внизу все перестроивалось заново, на верху все оставалось по старому. На первыхъ порахъ это было полезно, ибо всеобщая ломка могла повести къ общему крушенію. Только при сохраненіи твердаго центра, который давалъ нужную точку опоры, преобразованія могли совершиться мирно и правильно. Но рано или поздно противорѣчіе между старымъ и новымъ должно было оказаться: или бюрократія должна была подавить независимыя общественныя силы, или послѣднія должны были измѣнить пріемы и привычки бюрократическаго управленія. Нигилистическое движеніе дало карты въ руки бюрократіи, и она воспользовалась этимъ для подавленія общественныхъ силъ и для искаженія созданныхъ реформою учрежденій. Очевидно, что возвратиться къ нормальному порядку можно только положивъ предѣлъ бюрократическому произволу.

Но ограничить бюрократію невозможно, не

коснувшись той власти, которой она служитъ орудіемъ, и которая, еще чаще, служитъ ей орудіемъ, то есть, неограниченной власти монарха. Пока послѣдняя существуетъ, безграничный произволъ на вершинѣ всегда будетъ порождать такой же произволъ въ подчиненныхъ сферахъ. Законный порядокъ никогда не можетъ упрочиться тамъ, гдѣ все зависитъ отъ личной воли и гдѣ каждое облеченное властью лице можетъ поставить себя выше закона, прикрывъ себя Высочайшимъ повелѣніемъ. Если законный порядокъ составляетъ самую насущную потребность русскаго общества, то эта потребность можетъ быть удовлетворена только переходомъ отъ неограниченной монархіи къ ограниченной. Въ этомъ и состоитъ истинное завершеніе реформъ Александра II. Инаго исхода для Россіи нѣтъ.

Противъ такого взгляда, безъ сомнѣнія, поднимется вопль со стороны всѣхъ теоретическихъ и практическихъ поклонниковъ самодержавія, которые видятъ въ немъ нѣчто такое, что неразрывно срослось съ самою жизнью русскаго народа. Намъ давно на всѣ лады повторяютъ, что русскій народъ въ одного царя вѣритъ, его одного любитъ, что для него царь такая же святыня, какъ и самое Божество. Указываютъ на то, что

самодержавіе создало, устроило и просвѣтило русскую землю, что оно связано со всѣми ея преданіями и ея развитіемъ; увѣряютъ, что безъ него Россія распадется на клочки. Иные возводятъ даже этотъ національный кумиръ въ идеалъ государственнаго устройства.

Изъ всѣхъ этихъ разглагольствованій можно принять во вниманіе весьма немногое. Раболѣпные толки о мистическомъ единеніи царя съ народомъ, которое существуетъ будто бы только у насъ и нигдѣ болѣе, тогда какъ исторія западно-европейскихъ странъ представляетъ тому самые назидательные примѣры, слѣдуетъ предоставить оффиціальнымъ адресамъ, чиновничьимъ донесеніямъ и извѣстнаго разряда газетнымъ статьямъ. Серіозно обсуждать вопросъ можно только съ политической точки зрѣнія.

Самодержавіе несомнѣнно имѣло великое историческое значеніе, какъ у западныхъ народовъ, такъ и въ особенности у насъ. Оно собрало и устроило русскую землю, насадило въ ней просвѣщеніе; наконецъ, оно освободило народъ и поставило на ноги общественныя силы. Но этимъ самымъ оно совершило свое призваніе. Неограниченная монархія есть образъ правленія пригодный для младенческихъ народовъ, а отнюдь

не для зрѣлыхъ. Какъ скоро общественныя силы начинаютъ рости, такъ она становится помѣхою развитію. Она можетъ довести народъ до извѣстной, довольно низкой ступени, но никакъ не далѣе. Высшее развитіе совершается уже въ оппозицію неограниченной власти, которая хочетъ подавить свободное движеніе жизни, но не въ силахъ это сдѣлать, ибо ребенокъ выростаетъ наконецъ изъ пеленокъ. Когда же, вынужденная неотразимыми жизненными потребностями, она водворяетъ наконецъ либеральныя начала, она тѣмъ самымъ полагаетъ основаніе своему упраздненію. Провозглашеніе всеобщей гражданской свободы есть знакъ, что общество созрѣло и можетъ стоять на своихъ ногахъ; за этимъ неизбѣжно должна слѣдовать свобода политическая. Раньше или позднѣе это совершится, зависитъ отъ мѣстныхъ и временныхъ условій; но это непремѣнно должно быть, ибо это въ порядкѣ вещей.

Тѣ, которые ссылаются на тѣсную историческую связь между монархомъ и народомъ, не хотятъ знать законовъ и условій историческаго развитія. Воображать, что одинъ и тотъ же образъ правленія пригоденъ для народа, находящагося въ крѣпостномъ состояніи, и для граж-

данскаго быта, основаннаго на свободѣ, есть политическій абсурдъ. Крѣпостное право, также какъ и самодержавіе, имѣетъ свое историческое назначеніе; оно также содѣйствуетъ скрѣпленію государства. Не даромъ оно, силою вещей, установилось у насъ при утвержденіи государственнаго порядка. Оно тѣсно связано и съ самымъ образомъ правленія: крѣпостное право внизу порождаетъ крѣпостное право на верху, и обратно. Пока все низшее населеніе находится въ рабствѣ, инаго государственнаго устройства быть не можетъ, кромѣ аристократіи или чистой монархіи. Но послѣдняя ведетъ къ единенію, а первая къ раздорамъ. Вслѣдствіе этого, установленіе неограниченной монархіи, при этихъ условіяхъ, становится требованіемъ государственной жизни и залогомъ высшаго общественнаго развитія. Но какъ скоро крѣпостное право отмѣнено внизу, такъ требуется упраздненіе его и на верху. Тогда для народной жизни наступаютъ иныя задачи; свобода предъявляетъ свои права. Когда подумаешь, что единая воля иногда вовсе къ тому неподготовленнаго лица, не имѣющаго ни высокихъ способностей, всегда составляющихъ исключеніе, ни надлежаго опыта въ государственныхъ дѣлахъ, должна, по собствен-

ному усмотрѣнію, управлять пятидесятью или даже ста милліонами людей, со всѣми безконечно сложными отношеніями, вытекающими изъ свободы, то все безуміе подобнаго порядка вещей представляется съ полною ясностью. Тутъ нечего ссылаться на помощь Божію. Богъ помогаетъ не тѣмъ, кто себя превозноситъ и не терпитъ границъ своей волѣ, а тѣмъ, кто смиренно сознаетъ собственную слабость и свой произволъ подчиняетъ закону. Изъ исторіи мы знаемъ, что Богъ не вдохновляетъ хватающихся за свою власть самодержавныхъ монарховъ: слишкомъ часто они являются недостойными своего положенія и дѣлаютъ такія крупныя ошибки, которыя ведутъ ихъ къ погибели, а государство къ разоренію.

Для народа дѣйствительно большое благо, когда судьба его связана съ извѣстною династіей, которая умѣла пріобрѣсти любовь подданныхъ. Монархія есть одно изъ великихъ началъ исторіи; но надобно, чтобы она способна была принимать различныя формы, сообразныя съ потребностями развитія, а не коснѣла на одной ступени, пригодной только для младенческаго общества. Съ развитіемъ народной жизни неограниченная монархія должна перейти въ ограни-

ченную; тогда только она можетъ остаться ея центромъ. Если же она не умѣетъ приспособляться къ новымъ условіямъ, если она не понимаетъ своего высокаго призванія и упорно стоитъ за безграничное своевластіе, то любовь народа отъ нея отвертывается, а мыслящая часть общества начинаетъ смотрѣть на нее, какъ на врага, и тогда, рано или поздно, паденіе ея неизбѣжно. Исторія представляетъ тому поучительные примѣры. Послѣ того обоготворенія, которымъ пользовался во Франціи Людовикъ XIV и даже недостойный его преемникъ, прошло немного лѣтъ, и монархія, не умѣвшая своевременно преобразоваться и совершить нужныя реформы, пала среди неистовыхъ криковъ парижской черни.

Въ Россіи мы тоже видѣли, какъ въ царствованіе Николая I вся мыслящая часть русскаго народа смотрѣла на правительство, какъ на своего врага. Даже великія реформы Царя-Освободителя не могли излѣчить общество отъ этого глубоко вкоренившагося недуга, и благодѣтель своихъ подданныхъ палъ жертвою гнуснаго заговора. Послѣдовавшая затѣмъ реакція всего менѣе способна была залѣчить эти раны. Вмѣсто того, чтобы опираться на здоровыя об-

щественныя силы, правительство выказывало имъ полное недовѣріе, а недовѣріе, въ свою очередь, вызываетъ недовѣріе. Между правительствомъ и обществомъ образовалась глубокая пропасть, которую не могутъ прикрыть льстивыя завѣренія въ преданности и любви. Всякій, живущій въ Россіи, знаетъ, что эти завѣренія ничто иное какъ выраженіе оффиціальной лжи, которая господствуетъ у насъ сверху до низу. Въ дѣйствительности, никто не довѣряетъ правительству; всякая его мѣра встрѣчается съ опасеніемъ. И это недовѣріе вполнѣ понятно при томъ нравственномъ уровнѣ, на которомъ стоятъ у насъ правящія сферы. Самодержавная власть русскихъ царей превратилась въ игралище личныхъ интересовъ самаго низменнаго свойства.

Выйти изъ этого положенія она можетъ только преобразовавшись сама, послѣ всѣхъ тѣхъ преобразованій, которыя она совершила въ странѣ. Установивъ всеобщую свободу, поставивъ общество на ноги, она должна довершить свое дѣло, ограничивъ сама себя. Это и составляетъ настоящую ея задачу. Только этимъ она можетъ вырваться изъ той растлѣвающей среды, которою она окружена; только этимъ путемъ возможно водвореніе въ Россіи законнаго по-

рядка и обузданіе всюду давящаго насъ произвола.

Но готово ли русское общество къ такой перемѣнѣ? Не внесетъ ли она еще бо́льшую смуту въ безъ того уже разслабленный организмъ?

Еслибы дѣло шло о замѣнѣ неограниченной монархіи парламентскимъ правленіемъ, то, конечно, объ этомъ, при настоящихъ условіяхъ, не можетъ быть рѣчи. Парламентское правленіе требуетъ политической опытности, образованія, сложившихся партій. Всего этого у насъ нѣтъ. Но вопросъ ставится гораздо проще. Требуется положить предѣлъ неограниченной власти и вырвать монарха изъ развращающаго вліянія господствующей бюрократіи. А для этого достаточно созвать въ столицу собраніе выборныхъ, напримѣръ по два или по три человѣка отъ каждаго губернскаго земства, и дать ему обсужденіе законовъ и бюджета. Если, рядомъ съ этимъ, преобразовать Государственный Совѣтъ въ Верхнюю Палату, очиствъ его отъ тѣхъ элементовъ, которые находятся тамъ только по чину, то конституціонное устройство готово. Не нужно много ломать себѣ голову.

Но необходимо, чтобы выборное собраніе непремѣнно было облечено *правами*. Совѣща-

тельное собраніе, мнѣнію котораго можно слѣдовать или не слѣдовать, всегда будетъ въ рукахъ правящей бюрократіи, а ее-то именно и слѣдуетъ обуздать. Противовѣсомъ окружающему престолъ чиновничеству можетъ служить только вполнѣ независимый органъ, съ рѣшающимъ голосомъ въ общественныхъ дѣлахъ. Только собраніемъ, облеченнымъ правами, можетъ быть ограничена и самая воля монарха, а это и есть первое условіе законнаго порядка. Пока монархъ не привыкнетъ къ мысли, что воля его не все можетъ, что есть независимый отъ него законъ, съ которымъ онъ долженъ сообразоваться, напрасно мечтать о какихъ-либо гарантіяхъ права и объ обузданіи чиновничьяго произвола. Все пойдетъ по старому. Безправное собраніе скоро утомится безплодною дѣятельностью и явится лишь безсильною помѣхою бюрократическому управленію, которое легко сумѣетъ, если не совершенно его устранить, то низвести его къ нулю.

Не слѣдуетъ опасаться, что облеченное правами собраніе окажется слишкомъ притязательнымъ. При настроеніи русскаго общества можно скорѣе ожидать противоположной крайности. Оно явится слишкомъ податливымъ и не будетъ стоять

въ уровень съ своимъ призваніемъ. Составленное изъ людей, мало свѣдущихъ и опытныхъ въ государственныхъ дѣлахъ, оно часто окажется недостаточно подготовленнымъ къ ихъ обсужденію. Но это не бѣда, лишь бы создалась среда, въ которой возможно правильное политическое развитіе. Опытъ и знаніе пріобрѣтаются временемъ и дѣятельностью. Въ собраніи будутъ все-таки засѣдать здоровые и независимые элементы общества, а не чиновники, преслѣдующіе свои личныя цѣли или угождающіе начальству. Въ немъ независимый человѣкъ будетъ имѣть возможность возвышать свой голосъ, и ему нельзя будетъ зажать ротъ, какъ въ настоящее время. Нужды и желанія народа будутъ доходить до верховной власти черезъ людей, близко съ ними знакомыхъ, а не черезъ искажающую призму чиновничьихъ донесеній. Наконецъ, что, можетъ быть, всего важнѣе, русское общество будетъ призвано къ политической жизни, а это одно, что можетъ вывести его изъ той умственной и нравственной апатіи, въ которую оно нынѣ погружено. Въ немъ проявится новый подъемъ духа, когда оно будетъ призвано къ рѣшенію новыхъ, высшихъ задачъ. Лучшія силы въ немъ воспрянутъ, и самыя молодыя поколѣнія будутъ готовиться къ

плодотворной дѣятельности, вмѣсто того, чтобы напрасно чубить свои способности въ соціалистической агитаціи.

Можно ли однако надѣяться, что такая перемѣна совершится въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ? Надобно признаться, что вѣроятій на это мало.

Воображать, что монархъ, по собственному почину, въ силу великодушнаго побужденія, ограничитъ свою власть, значитъ не знать человѣческой природы. Конечно, онъ можетъ почувствовать всю тяжесть лежащаго на немъ бремени; но обаяніе власти такъ велико, что оно можетъ вознаградить за всѣ ея невыгоды. Къ этому присоединяется вліяніе окружающихъ, которыхъ личные интересы всѣ связаны съ сохраненіемъ этой власти, подъ сѣнью которой они проводятъ свои корыстные виды. Благовидныхъ же предлоговъ къ ея сохраненію всегда можно найти множество: и народное чувство, и историческое призваніе, и мнимая польза отечества, и распаденіе государства на части, однимъ словомъ, всѣ тѣ призраки, которые обыкновенно пускаются въ ходъ, чтобы не допустить ограниченія произвола. Какъ противостоять такимъ искушеніямъ?

Съ другой стороны, нельзя ожидать и какихъ

либо серіозныхъ революціонныхъ движеній въ Россіи. Почвы для революціи у насъ нѣтъ, ибо преобразованія Александра II совершили у насъ тѣ перемѣны въ гражданскомъ и общественномъ строѣ, которыя вызывались потребностями жизни. Теперь остается завершить ихъ преобразованіями политическими; но для такого шага въ русскомъ обществѣ нѣтъ достаточной внутренней энергіи. Волненія юношества и соціалистическая пропаганда могутъ только усилить реакцію. Высшіе классы у насъ разорены, средніе погружены въ глубокое невѣжество. Апатичное и покорное, русское общество въ настоящемъ своемъ состояніи неспособно ни къ какому энергическому дѣйствію, ни къ какой иниціативѣ. Оно равнодушно смотритъ на всѣ происходящія вокругъ него насилія и неправды и не предъявляетъ ни малѣйшаго противъ нихъ протеста. Только отъ медленнаго развитія общественнаго сознанія можно ожидать болѣе яснаго пониманія вещей и болѣе безкорыстнаго стремленія къ общему благу.

Нынѣшнее положеніе Россіи во многомъ напоминаетъ состояніе Пруссіи въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія. Послѣ совершенныхъ Штейномъ великихъ преобразованій и подъема духа, сопровождавшаго отечественную

войну, тамъ снова водворилось господство бюрократической рутины; въ правительствѣ обнаружилось такое же, какъ у насъ, мелочное недовѣріе къ земскимъ учрежденіямъ; происходили тѣже волненія въ университетахъ; принимались тѣже суровыя мѣры противъ студентовъ и профессоровъ; было такое же преслѣдованіе печати. Читая жизнеописаніе барона Штейна, можно иногда думать, что рѣчь идетъ о современной Россіи. Разница состоитъ въ томъ, что въ Пруссіи было несравненно болѣе образованія, нежели у насъ; было и уваженіе къ законному порядку, о которомъ въ Россіи нѣтъ и помину. Но и въ Пруссіи дальновидные государственные люди предсказывали, что такая политика не приведетъ къ добру. Революція 1848 года, вспыхнувшая вслѣдствіе внѣшняго толчка, шедшаго изъ Франціи, оправдала ихъ ожиданія. Вся эта бюрократическая лавочка разомъ была снесена.

И у насъ внѣшняя катастрофа можетъ ускорить процессъ общественнаго сознанія. Она можетъ послѣдовать нежданно, негаданно. Поводовъ къ столкновеніямъ, при нынѣшнемъ напряженномъ состояніи Европы, слишкомъ много. Державы стоятъ во всеоружіи другъ противъ друга, постоянно увеличивая свои военныя силы,

и всякая искра можетъ произвести пожаръ. При самомъ миролюбивомъ настроеніи, правительство можетъ быть противъ воли вовлечено въ войну. Если такое столкновеніе случится, то, очевидно, оно произойдетъ между Россіей и Франціей съ одной стороны, и Германіей во главѣ тройственнаго союза съ другой. Матеріальными силами обѣ стороны болѣе или менѣе равны; но судьба народовъ рѣшается не одною матеріальною силой. Въ исторической борьбѣ побѣдителемъ выходитъ тотъ, кто носитъ въ себѣ высшія духовныя начала. Что же могутъ противопоставить Россія и Франція организованной мощи Германіи, опирающейся на тотъ энергическій подъемъ народнаго духа, который былъ послѣдствіемъ побѣдъ и объединенія, Германіи, въ которой желѣзная дисциплина сочетается съ широкимъ развитіемъ свободы? Во Франціи мы видимъ только внутреннія неурядицы и разладъ, въ Россіи произволъ и притѣсненія. Анархія и деспотизмъ, — вотъ все, что эти двѣ державы могутъ сулить современному человѣчеству. Безспорно, и въ нынѣшней Германіи есть многія темныя стороны: страшное развитіе милитаризма, бездушное подавленіе подчиненныхъ народностей. Реалистическая политика государственнаго человѣка, совершив-

шаго ея объединеніе, искоренила въ нѣкогда идеалистическомъ народѣ чувства гуманности и справедливости. Побѣда Германіи, въ свою очередь, едва ли принесетъ пользу человѣчеству. Но все же въ ней есть культурныя начала, которыя блекнутъ въ рукахъ волнующейся французской демократіи и совершенно отсутствуютъ въ Россіи. А главное, въ ней есть подъемъ народнаго духа, который во Франціи приниженъ позорнымъ пораженіемъ и разрывается на клочки внутренними раздорами партій, а въ Россіи совершенно подавленъ гнетущимъ его деспотизмомъ. Чтобы выдти побѣдительницею изъ борьбы, Россія должна пробудить въ себѣ этотъ духъ, а это возможно сдѣлать только полною перемѣной всей внутренней политики. Русскій народъ долженъ быть призванъ къ новой жизни утвержденіемъ среди него началъ свободы и права. Неограниченная власть, составляющая источникъ всякаго произвола, должна уступить мѣсто конституціонному порядку, основанному на законѣ. Финляндія должна быть возстановлена въ правахъ, дарованныхъ ей русскими монархами и неотъемлемо ей принадлежащихъ. Но, прежде всего, надобно протянуть руку раздавленному Россіею славянскому брату и поднять его изъ

униженія, въ которомъ мы его держимъ. Только этимъ путемъ Россія можетъ стать во главѣ славянскихъ народовъ, что придастъ ей неизмѣримую силу. Не какъ представительница чисто матеріальнаго могущества, основаннаго на притѣсненіи всѣхъ подвластныхъ, а какъ носительница высшихъ человѣческихъ началъ, можетъ она исполнить свое историческое призваніе, выдвинуть славянскій вопросъ и сокрушить гегемонію Германіи.

Пробудится ли въ ней сознаніе этого высокаго назначенія? Кто знаетъ тѣ могучія силы, которыя таятся въ глубинѣ русскаго духа, тотъ не можетъ въ этомъ сомнѣваться. Обновленіе Россіи послѣ Крымской кампаніи служитъ тому ручательствомъ. Но придетъ ли это сознаніе путемъ правильнаго внутренняго развитія или будетъ оно куплено цѣною потоковъ крови и гибели многихъ поколѣній, покажетъ будущее. Можетъ быть, и у насъ появится государственный человѣкъ въ родѣ Кавура или Бисмарка, который пойметъ задачи времени и сумѣетъ двинуть Россію на путь, указанный ей исторіей. Возможно и то, что появится царь, одушевленный высокимъ нравственнымъ чувствомъ, который захочетъ быть благодѣтелемъ подвластныхъ ему

народовъ. Во всякомъ случаѣ, оставаться при нынѣшнемъ близорукомъ деспотизмѣ, парализующемъ всѣ народныя силы, нѣтъ возможнооти. Для того, чтобы Россія могла идти впередъ, необходимо, чтобы произвольная власть замѣнилась властью, ограниченною закономъ и обставленною независимыми учрежденіями. Зданіе, воздвинутое Александромъ II, должно получить свое завершеніе; установленная имъ гражданская свобода должна быть закрѣплена и упрочена свободою политической. Рано ли или поздно, тѣмъ ли или другимъ путемъ это совершится, но это непремѣнно будетъ, ибо это лежитъ въ необходимости вещей. Сила событій неотразимо приведетъ къ этому исходу. Въ этомъ состоитъ задача двадцатаго столѣтія.

Русскій патріотъ.